

Светлана Ситниченко

РЫЖАЯ
ДЛЯ
ПАЛЕОНТОЛОГА

Он — циничный и уставший кандидат наук, на которого повесили отряд практикантов.

Она — своенравная студентка, приехавшая на свою первую полевую практику. Их взаимоотношения можно охарактеризовать одной фразой: «Нашла коса на камень»...

Рыжая для палеонтолога

Светлана Сеницына

Глава 1. Приезд

Середина 90-х

Жаркое приморское солнце нещадно пекло непокрытую голову и порядком загорелую шею Евгения Лашенко, пока он стоял, облокотившись о пыльный бок баклажановых «Жигулей», и, приставив ладонь ко лбу козырьком, вглядывался вдаль.

Десять часов утра — самый разгар раскопок, поэтому Женя каждые несколько минут скидывал руку и с негодованием смотрел на часы, минутная стрелка которых неуклонно ползла по циферблату, а солнце — по небу, прижигая и без того спаленную шею.

Меньше всего на свете Жене хотелось находиться сейчас здесь, на побережье, глотая пыль и обливаясь потом. Он мог сделать сотни полезных дел: вымести налетевший за ночь песок с костей степного слона, которые выступали из песчаного берега поймы небольшой полупересохшей реки, приготовить обед — сегодня как раз должна была быть его очередь, сделать наброски новых находок — больших светло-коричневых рёбер, которые, соединяясь с фигурными позвонками, уходили дальше в грунт.

Но вместо этого он торчал здесь, всматриваясь вдаль и ожидая, когда же сподобятся приехать нерадивые студенты, за полевую практику которых он был ответственен поневоле.

«И ладно бы ещё палеонтологи, — мрачно подумал Женя, одёргивая воротник выцветшей рубашки с короткими рукавами. — Но так где же их взять?»

Студентов-палеонтологов всегда было мало, поэтому Жене подсунули геологов. Он пока не знал, что они собой представляют, да и руководство обещало покладистых работающих ребят, но Женя уже успел заранее невзлюбить наверняка потрясающих по своей неорганизованности студентов. Группа из двадцати человек должна была приехать на раскопки на четыре недели, и Женя гадал, сколько он с ними выдержит.

Он не подписывался на работу со студентами и уже раз десять ругался по телефону с руководством по этому поводу, не стесняясь в выражениях. Но за помощь при проведении практики доплачивали, поэтому Женя скрепя сердце согласился потерпеть.

Больше, чем любых студентов, он ждал возвращения Сергея Сергеевича, который уезжал в город на несколько дней и должен был сопроводить практикантов до пункта назначения. А заодно привезти, точнее, попытаться привезти немного тушёнки: денег отчаянно не хватало, да и товара не было. Даже деревенский магазин, в котором, казалось, обычно продавалось всё на свете, последнее время всё больше разочаровывал Женю. Мрачно сглотнув вязкую слюну и вытерев выступивший на лбу пот, он подумал, что теперь ещё и студенты будут есть в три горла.

Почему бы руководству просто не оставить его в покое? За что ему спихнули студентов? Женя полагал, что за острый язык и то, что заводится он с пол-оборота. Что-то вроде воспитательного мероприятия. По постижению нирваны.

«Скорее, я с ума сойду», — решил Женя, заранее подготовившись к худшему. И был прав: в этот момент на горизонте показался «ЛиАЗ», приближающийся в жарком мареве, окружавшем его вместе с тучей насекомых, которых, к счастью, вскоре сдуло налетевшим со стороны моря ветром.

Пыль, поднимаемая колёсами бело-синего автобуса, клубилась, образовывала небольшие бури, а серые и жёлтые песчинки неприятно щекотали нос. Женя поморщился и чихнул. Глаза слезились, а когда он наконец отряхнулся от песка и пыли, автобус уже стоял

перед ним.

От нагретого металлического бока шёл нестерпимый жар, а в воздухе воняло жжёной резиной, бензином и ещё Бог весть чем. Женя недовольно поморщился: «ЛиАЗ» был отвратительным автобусом.

— Принимай студентов, — произнёс, усмехаясь, Сергей Сергеевич, буквально выпорхнувший из салона: с его худосочностью это было несложно.

— Может, отвезёшь их обратно в город? — с надеждой спросил Женя, поморщившись и приняв у товарища документы, которые тот привёз. Что он, Евгений Николаевич, отвечает за жизнь и здоровье двадцати трёх разгильдяев. — Шикарные перспективы, конечно: оставаться с ними четыре недели.

— Всё обойдётся, не каркай, — беспечно махнул рукой Сергей Сергеевич, пока водитель открывал багажник. — Эй, забирайте вещи! — крикнул он студентам, потянувшимся из автобуса.

Это была разношерстная и, по первому взгляду, совершенно неорганизованная толпа. Гомонившие кто во что горазд, то и дело раздражаясь хохотом, они быстро вытащили вещи из багажника: в основном рюкзаки, спальники и палатки, но, к радости Жени, среди всего этого добра оказалось порядочное количество продуктов: университет всё же выделил студентам суточные на продовольствие.

«Если они будут есть лучше, чем мы, — усмехнулся про себя Женя, — то это не очень».

Когда студенты наконец закончили разгрузку, а водитель автобуса, ударив по рукам с Сергеем Сергеевичем и кивнув на прощание, уехал на своей вонючей адской машине, Женя, прочистив горло, обратился к подопечным:

— Дорогие практиканты... — «Нет, слишком по-дружески». — Не увидев в глазах студентов сосредоточенности и заинтересованности, Женя перешёл в наступление и гаркнул: — Тишина! — это возымело эффект, и Женя продолжил уже спокойнее: — Меня зовут Евгений Николаевич Лащенко. Я являюсь начальником экспедиции палеонтологического института нашей всеми любимой Академии Наук. И по совместительству руководителем вашей выездной практики. Скажу сразу, хотя вы это и так знаете: живём в палатках, сырую воду из речки не пьём, копаем от зари до зари: слон лежит, полевой сезон идёт, а руководство ждать не будет. Поэтому я рассчитываю на ваше понимание и организованность. — Женя сам не верил в то, что говорил, но надежда, как и всегда, умирала последней. — А теперь скажите, кто у вас староста? — он искренне надеялся, что практиканты об этом позаботились.

— Я! — словно раскат грома прокатился по побережью, вырвавшись из толпы студентов. Жене даже показалось, что у него заложило уши. Этот возглас он ожидал бы услышать на плацу, но никак не здесь. Но пока он упорно не видел откликнувшегося.

В это же мгновение, растолкав высоченных однокурсников, вперёд шагнула староста и, оглядевшись, повторила:

— Я!

Глава 2. Староста

«Господи, что ты такое?» — подумал Женя, глядя на стоявшее перед ним миниатюрное рыжеволосое создание, больше походившее на фарфоровую куклу, чем на человека. На куклу из японских мультиков. В закатанных по колено штанах от военной формы-афганки. Подобный громовой голос Женя ожидал услышать скорее от остальных рослых студентов, но никак не от этой девчонки, ростом едва-едва ему по плечо. Справившись с удивлением, он сказал вслух: — Ты кто?

— Громова, — эта фамилия ей очень подходила, — Рита.

— Значит так, Маргарита. — Женя смотрел на неё сверху вниз, невольно наклоняясь. — В технике безопасности вы расписывались?

— Так точно, Евгений Николаевич, — практически отрапортовала Громова. У неё были большие карие глаза. «Как в японских мультяшках», — вновь мелькнула у Жени дурацкая мысль. — Разрешите обратиться? — она внимательно смотрела на него, как будто изучая, и Женя не мог понять, кривляется она или нет.

— Разрешаю, — кивнул он. Ему вдруг вспомнилась служба в армии. Тогда всё было намного проще, чем сейчас.

— Мы привезли с собой запас продуктов. — Когда Громова не орала в голос, слушать её было даже приятно. — И я подумала, может быть, нам всем объединить нашу провизию? Так всем больше достанется.

— Хорошая идея, — кивнул Женя, ругая себя, что не он это придумал. Проблески разума у студентов, конечно, радовали, но он всё равно искал подвох. — Скажи своим, что на месте подпишете ещё один инструктаж. А сейчас грузите вещи в машину, — он махнул рукой в сторону «Жигулей», — только еду и палатки, остальное потащите на себе.

Она вернулась к своим однокурсникам, которые вскоре забили до отказа машину, нагрузив вещи даже на крышу. Глядя на то, как просело дно бедных «Жигулей», Женя страдальчески подумал, что до лагеря они, кажется, не доедут.

— Сергей Сергеевич, — обратился он к товарищу, который безмятежно стоял и курил «Пётр I». — Побудьте сопровождающим ещё немного: отведите студентов до палаточного городка. И проследите, чтобы они не потерялись по дороге, — уже тише добавил Женя, но проходившая в этот момент рядом Громова его услышала. Он понял это по её взгляду: казалось, что Громову ужалили, так резко она повернулась к нему. В тёмных глазах промелькнуло недовольство.

«Смотри, сколько влезет, — злорадно подумал Женя. — Ничего всё равно не скажешь».

— Не стоит нас недооценивать, Евгений Николаевич, — произнесла вдруг Громова, останавливаясь. Потёртая кожаная лямка сползла у неё с плеча, и вещмешок упал на пыльную гравийную дорогу.

— Поговори мне ещё! — Женя во все глаза смотрел на наглуую девчонку. В груди закипело. — Иди, организовывай своих лучше.

— И пойду. — Громова напоследок прожгла его взглядом и удалилась выстраивать студентов по скорости передвижения: быстрых впереди и парочку в конец в виде арьергарда, чтобы подгонять отстающих.

«Разумно», — мелькнула мысль, но тут же пропала, испарившись в пламени праведного гнева. Женя чувствовал, что намучается ещё с практикантами.

В лагерь он приехал взмокший и недовольный: «Жигули» нагрелись от палящего солнца, в салоне была душегубка, а от вещей шло ещё больше жара. Вдобавок ко всему Женя успел заметить среди добра студентов две двадцатилитровые канистры спирта, что ему совсем не понравилось.

«Только бы Генриха удержать», — подумал он, останавливаясь возле большой палатки, в тени которой пережидали знойный полдень двое из четырёх участников экспедиции.

Примерный семьянин дома и известный отчаянный пьяница в поле, интеллигентный и блондинистый аспирант Миша Генрих занимался камеральной работой: счищал с извлечённых из земли костей лишнюю породу. Страсть к спирту, впрочем, не мешала ему работать за двоих. Второй аспирант — худощавый, вечно уставший и растрёпанный Дима Лазарев — помешивал в котле над костром нехитрый обед: гречневую кашу с тушёнкой. Этот приехал на заработки, чтобы обеспечить жену и годовалую дочь.

— Тушёнку, гады, опять просроченную положили, — раздражённо заметил Женя, вертя в руке выпавшую из студенческой коробки банку тушёнки. — Как успехи?

— Всё больше убеждаюсь, что ты был прав, когда настоял в прошлом году, что копать надо именно здесь, — ответил Генрих, откладывая кость и снимая с головы очки-бинокляры. — Как студенты?

— Отвратительно, — поморщился Женя, зачерпывая ковшом прохладную воду из ведра и делая глоток. — Они мне уже не нравятся.

— Да ладно тебе, — усмехнулся Дима, отворачиваясь от котла и вытирая лицо рубашкой. — Сдружитесь ещё. Станете товарищами.

— Тамбовский волк им товарищ! — отрезал Женя. — А вон, кстати, и они.

На дороге, ведущей к лагерю, показались практиканты во главе с Сергеем Сергеевичем, рядом с которым, как с неудовольствием отметил Женя, шла староста Громова. Потрёпанная кепка была заломлена на рыжий затылок, что придавало ей лихой и придурковатый вид.

— Громова! — Женя махнул рукой, подзывая к себе девчонку. — Значится так: расставляете палатки, организовываете быт, садитесь есть, а потом уже роспись в инструктаже. Поняла? — Он строго посмотрел на неё. — И без глупостей.

— Конечно, Евгений Николаевич, — улыбнулась Громова. — Как скажете.

— Я видел у вас спирт, — произнёс Женя, подходя ближе. — Не орите громко и убедитесь перед употреблением, что он не метиловый. «А хорошо бы». — Он по опыту знал, что остановить пьянку не получится, поэтому лучше договориться на месте.

— Хорошо, — кивнула Громова, и Женя уловил в её голосе что-то похожее на благодарность. — Спасибо за заботу. — Он ошибся — это был сарказм.

— Я о себе забочусь, — криво ухмыльнулся Женя и пошёл собираться на раскоп: солнце перевалило зенит и стало печь чуточку меньше.

Остаток дня он счищал вместе с Димой и Сергеем Сергеевичем породу, подготавливая для студентов поле деятельности. По словам товарища, своё дело они приблизительно знали и перепутать породу с костями не могли, но Женя всё равно сомневался. Здесь нужен был опыт, а детишки, кроме, разве что, Громовой и не менее шумного вихрастого Лёши Орлова, явно носа на природу не показывали. Первокурсники, что с них взять.

Вздыхая о загубленном полевом сезоне, Женя с коллегами вернулся в лагерь уже затемно: он был благодарен Генриху, вызвавшемуся помочь практикантам обжиться и тем самым немного отсрочивший вступление Жени в свои права руководителя.

Ещё на подходе к лагерю до него донеслись звуки пирушки: студенты отмечали

прибытие. Кто-то рвал гитарные струны, причём рвал хорошо, как внезапно отметил Женя. И вдруг среди общего переплетения смеха и разговоров, зазвучала песня:

— Безобразная Эльза, королева флирта, — которую пел удивительно чистый, несмотря на хмельные нотки, женский голос. — С банкой чистого спирта я спешу к тебе.

Другие голоса, не менее пьяные, подхватили куплет, и среди нестройного хора Женя с ужасом и накатившей злостью различил голос Генриха. Проклятые практиканты сумели спойть его в первый же вечер.

— Кажется, я знаю, кто завтра сдохнет, — недовольно пробормотал Женя, оставляя инструменты в палатке и идя к себе. — Слава Богу, будет хоть что-то приятное.

Глава 3. Костёр

Середина 90-х

Утром понурый Генрих жадно пил холодную воду.

— Алкоголик белобрысый, — неодобрительно произнёс Женя, глядя на помятого товарища. — Пить надо меньше.

— Но рыжая была так убедительна, — виновато ответил Генрих, брызгая себе в лицо водой. — Я же немного.

— Не виноватая я! — воскликнула свежая и бодрая Громова. Вчерашняя пьянка не мешала ей поглощать пшённую кашу, которая сегодня оказалась на удивление неплоха. Женя не знал, кто из студентов готовил, но был благодарен. Чуть-чуть. — Он сам пришёл!

— Замолчите оба, — махнул рукой Женя. — А ты, — он ткнул в сторону Громовой пальцем, — собирай остальных: после завтрака выдвигаемся на раскоп.

— Есть! — Громова отсалютовала ложкой и, быстро доев кашу, обернулась к остальным: — Товарищи, собираемся!

Раскоп встретил Женю тишиной прохладного утра. Солнце, пока ещё ласково-греющее, поднималось над горизонтом, озаряя выжженную светло-жёлто-зелёную степь длинными лучами. В низинах кое-где гнезился едва заметный туман, а полосы полиэтилена, которыми накрывали на ночь находки, отяжелели от влаги.

— Это — кость, — Женя указал на изгибающееся ребро слона. — А это — порода. — По его мнению их никак нельзя было перепутать. — Надеюсь, что вы это и так знали. Будут сомнения или вопросы — формулируете чётко и обращаетесь ко мне. Но для начала ответьте мне: кого, собственно, мы сейчас выкапываем?

— Степного мамонта, — голос Громовой прорезал тишину раскопа.

— Латынь? — Женя оценивающе посмотрел на Громову. Верить в мозги студентов не хотелось. Это пахивало надеждой.

— Мамутус трогонтери.

Женя кивнул в ответ и, раздав практикантам задания, уселся напротив окаменелых костей и полностью провалился в работу. Краем уха он слышал, как переговариваются студенты, и в который раз убедился, что Громовой на раскопках стало слишком много.

В лагере тоже стало невозможно от неё отделаться: то тут, то там слышался её громкий задорный голос.

— Почему бы нам не поставить петли на сусликов? — поинтересовалась Громова, сидя на походном стуле и чистя картошку. — Сэкономили бы тушёнку и поели бы нормального мяса.

— Я тебе поставлю, — мрачно ответил Женя. Эта не в меру активная девчонка, напившаяся в первый же вечер до чёртиков и спойвшая державшегося до этого две недели Генриха, постепенно становилась для него проблемой, которую почему-то никто, кроме него, не хотел замечать. — Не подрывай краснокнижную популяцию.

— Их же много, — возразила Громова. — И про занесение сусликов в Красную книгу я ничего не слышала.

— Ты сейчас сама окажешься в Красной книге, если не прекратишь паясничать! — Женя почти вышел из себя. — Или в Чёрной, ещё не решил.

— Как вселенец, заполонивший всё кругом? — поинтересовалась Громова, отправляя

очередную картофелину в алюминиевую миску с водой.

— По краю ходишь, — предупредил Женя. — Дай сюда тушёнку. Я открою.

— Давно уже, — Громова передала ему три банки тушёнки.

— Сильно много кладёшь, — поморщился Женя, открывая третью банку и со смесью жалости и боли глядя на куски жира, занимавшие большую часть жестяной тары. — До конца сезона не хватит.

— Так деревня же под боком, — невозмутимо ответила Громова, вываливая содержимое на зашпиевшую и застрелявшую раскалённым маслом чугунную сковороду.

— Все мы миллионеры, — меланхолично ответила Громова. — А толку-то?

— Как от вас на раскопе, — бросил Женя и с упоением отметил, как сошлись на переносице ровные рыжие брови девчонки, а её глаза засверкали праведным гневом: он попал в десятку. — И Бога ради, выкинь эти вонючие жёлтые цветы! — Он указал на букет полевых цветов, стоявших в пустой бутылке из-под пива и благоухавших на всю палатку-кухню. — А то дышать уже нечем.

— Как будто у меня есть выбор, — буркнула Громова, с сожалением вытаскивая цветы из импровизированной вазы и выбрасывая их в мусорное ведро. — Других-то нет.

— Как я тебя понимаю. — И Женя вышел из-под кухонного навеса.

Как он и предполагал, за прошедшую с момента приезда неделю студенты показали себя абсолютно бесталанными дармоедами, которые едва слышно стенали, жарясь под лучами беспощадного солнца. Работа у них не то чтобы спорилась, но продвигались раскопки явно быстрее, чем можно было рассчитывать. Впечатанные в породу кости слона уже оформлялись в более-менее полный скелет, и Женя был счастлив, когда из серо-жёлтого песка показался массивный череп с закрученными бивнями.

Собственно, это было единственное радостное событие, потому как к концу недели Женя практикантов просто возненавидел.

Впрочем, думал он, срезая глинистую породу с костного скопления, это было взаимно: студенты в долгу не остались и окрестили его Гамаюном — несущей смерть птицей из славянской мифологии. Откуда они знали подобного персонажа, оставалось загадкой, но наглости им было не занимать.

Вот и сейчас со стороны раскопа, где в песчаных почвах скрывался — Женя был в этом уверен — полный скелет степного мамонта, доносились весёлые возгласы и смех. Взрывы безудержного хохота, которые то и дело разрывали спокойную тишину низины недалеко от моря, раздражали и отвлекали: у Жени с самого утра болела голова, а из-за очередной поломки насоса, качавшего воду из скважины в двух километрах от раскопа, ни он, ни студенты не мылись уже пятый день.

И сегодня он, не выдержав присутствия шумных недотёп, устроил себе выходной и сидел под натянутым тентом, то и дело прикладываясь к ковшу отвратительно тёплой воды. Ко всему прочему бензин для генератора был на исходе, и Лёша Орлов — энтомолог по факту и призванию, вообще непонятно как затесавшийся к геологам, уже достал причитаниями о том, что на свет он насекомых не половит.

Со стороны раскопа вновь донёсся взрыв смеха, но в этот раз в общем хоре уверенно дирижировал высокий женский голос, который звенел, словно серебряные колокольчики. От звука этого голоса Женю невольно передёрнуло: его обладательница была для него словно кость в горле. Не в меру шумная, работающая, отчаянно пьющая Рита Громова всегда находила, что ответить на его претензии.

«Пусть поорут, — решил Женя, устраиваясь поудобней на раскладном кресле. — Ночью крепче спать будут».

Ещё никогда он так не ошибался.

Последняя масштабная пьянка состоялась у студентов в вечер приезда, за которую они потом получили выволочку: неделю без выходных. Завтра они должны были отдыхать и устроили весёлую пирушку. Видимо, на радостях, закончив, как они полагали, все дела на раскопе.

Слушая хмельной хохот и чувствуя, как закипает, Женя ворочался в спальном мешке. Отсветы костра бросали на стенки палатки причудливые тени, и порой ему казалось, что вокруг огня танцуют черти.

В сущности, так оно и было.

Женя почти задремал, как вдруг привычный гомон, ставший уже далёким, прорезали тихие звуки перебираемых струн гитары:

— В жилищных конторах лесной полумрак, — тихий вкрадчивый голос поднял слова на пенный гребень волны мелодии. — На крышах домов фонари с египетской тьмой...

Женя, затаив дыхание, лежал и слушал песню. Музыкальные трели срывались с гитарных струн, порождённые умелыми пальцами, а строчки стройными рядами отправлялись во тьму. На его памяти так не пел ещё никто. Завораживающе, тянуще, заглядывая, казалось, в самые глубины души. Женя даже перевернулся на спину, чтобы лучше слышать.

— Что, блядь?! — подорванный внезапным осознанием происходящего, Женя резко сел. В только-только переставшей болеть голове вновь зазвучали барабаны. — Не может быть!.. — Он встал, сунул ноги в стоптанные шлёпанцы и вышел из палатки.

Костёр студенты развели в небольшой низине рядом с раскопом, а сами сидели по краям, насыпанными из перемешанной породы с песком. В центре, окружённая однокурсниками, сидела с гитарой в руках и «Примой» в зубах Рита Громова.

— Все уже здесь: Сири́н, Алконост, Гамаюн, — протяжно и негромко пела Громова. Её загорелое лицо, местами облезшее и покрытое веснушками, выглядело одухотворённо, как бывает только во хмелю. Карие глаза были прикрыты, и прямые густые ресницы бросали на пухлые девичьи щёки полукруги тени. — Как мы условились, я буду ждать...*

— Гамаюн летит! — вдруг прокричал заметивший Женю Орлов, делая попытки спрятать спирт в песок.

— Напрасное геройство, — криво усмехнулся Женя и подошёл ближе, по-прежнему оставаясь на границе света и тени.

— Пусть летит! — неловко взмахнув рукой, с досадой ответила Громова. — Может, подберет от пары стаканов чистого спирта.

— Кажется, птица Сири́н сейчас получит по клюву, — спокойно произнёс Женя, хотя внутри у него всё клокотало от едва сдерживаемой ярости. Девчонка явно нарывалась. Непонятно почему в голову пришла эта дурацкая ассоциация с птицей Сири́н. — И я не ты, Громова, чтобы успокаиваться от чистого спирта. — Он шагнул к костру, оглядывая вмиг притихших студентов, среди которых лишь немногие рискнули что-то тихо заворчать.

— Я — Маргарита, мне можно, — голос Громовой даже не прыгал, хотя Женя не сомневался, что выпила она немало. «Наверняка завтра у девчонки будет болеть голова», — злорадно подумал он. — Евгений Николаевич, можно мы продолжим? Вы мне песню оборвали. — Она улыбнулась обворожительной улыбкой, но Женя почти видел, как с её

ровных белых клыков капает яд.

Громова доводила его до иступления одним своим присутствием и тоже терпеть его не могла. Искры хватило, и Женя вспыхнул:

— Заткнулись все и пошли спать! — Женя опасался, что однажды Громова придушит его подушкой. Или он её. — Завтра ещё работать и работать! Слон сам себя не выкопает. Вы только что просрали свой выходной! — На выражения он никогда не скупился: студенты — не люди. В них только следы человеческие. — Марш по палаткам!

Понурился и бросая на него убийственные взгляды, студенты начали расходиться. Кто-то поумней, кажется, Орлов, затушил костёр, остальные же предпочли уползти во тьму, заботливо забрав с собой остатки пиршества. Когда Громова проходила мимо Жени, то хмуро посмотрела на него снизу вверх. В неверном свете потухающего костра она вдруг показалась ему Афродитой — древнегреческой богиней любви и красоты, хотя больше в ней было от Сирина — птицы, поющей о вечном блаженстве. И приносящей своим пением всяческие несчастья.

«Это сказки для дураков, — мрачно подумал Женя, глядя вслед удаляющейся Громовой, которая совершенно бесцеремонно вихляла бёдрами и тащила по сухой земле гитару с красной лентой на грифе. — Но поёт она действительно неплохо».

Словно почувствовав на себе его взгляд, Громова обернулась. Её большие карие глаза на мгновение отразили последние искорки пламени, а потом она отвернулась и скрылась за насыпью.

«Невыносимая девчонка, — подумал Женя, залезая обратно в спальник и пытаясь уснуть в наступившей тишине. — Когда-нибудь она точно получит».

Глава 4. Партнёры

Середина 90-х

Случай отыгаться за нарушенный сон и бездарность вскоре представился.

Запас закупленных в начале полевого сезона продуктов стремительно подходил к концу. Женя винил во всём студентов, которые всё же, не без помощи вездесущей Громовой, уговорили его соединить провизию. Женя подозревал, что прожорливые студенты ещё и тайком таскают у экспедиции продовольствие, не ограничиваясь привезёнными с собой припасами.

«Придётся ехать в деревню, — мрачно подумал Женя, выходя из палатки с продуктами. — Одному Богу, правда, известно, что натворят без меня эти придурки». На личный состав своей экспедиции он, конечно, рассчитывал, но всё же не до конца.

Генрих после удачной развязки сдружился с Громовой на почве любви к спирту и теперь еженощно оглашал лагерь отвратительным исполнением народных песен. Дима упорно работал, а Сергей Сергеевич смеялся, периодически присоединялся к Генриху и не замечал того, как сатанеет Женя от наглости Громовой.

— Товарищи студенты, — начал Женя, когда студенты собрались под навесом всей дружной компанией и гудели, как улей пчёл. — Со всем прискорбием я хочу сообщить вам, что запасы продовольствия у нас подходят к концу. А это значит, что если я и ещё один доброволец не съездит в деревню за продуктами, то нам вскоре придётся есть друг друга.

— А с кого начнём? — задорный голос Громовой вызывал весь спектр эмоций: от желания заткнуть ей рот до странных, непривычных в отношении студентов мыслей.

— С тех, кто по ночам таскал картошку и тушёнку из общей кучи и страдает алкоголизмом! — отрезал Женя.

— Не было такого, Евгений Николаевич, — сложив руки на груди, возразила Громова. — Мы не крысы. Да и обвинять кого-то вот так с ходу не лучший вариант, вообще-то. Потому что если обвинения окажутся беспочвенными, то будет...

— Молчи, Громова, — одёрнул неугомонную девчонку Женя. — Много разговариваешь. Хотя, в деревне это пригодится: уболтаешь продавщицу Катьку продать то, чего якобы нет. — Он криво усмехнулся, увидев, как Громова сделала большие глаза и захлопнула наконец-то рот. — Да-да, Маргарита... как тебя по отчеству?

— Алексеевна, — быстро ответила Громова. Удивление порядком сшибло с неё спесь.

— Так вот, Маргарита Алексеевна, — довольный победой над костью в горле, продолжил Женя. — Ты поедешь со мной в деревню за продуктами. — Он внутренне ликовал. Что может быть проще: наладить работу на раскопе, увезя возмутительницу спокойствия. — Поэтому собирайся: через пятнадцать минут выезжаем. И опроси своих приятелей, не надо ли им что в деревне, а то в следующий раз поедем, когда я вас домой отправлю. В солдатском цинковом гробу, — и, высказав это пожелание, он отправился собираться в дорогу. Экспедиционные миллионы бюджета требовали экономии и тщательного подсчёта, а ко всему прочему таяли на глазах.

Когда через двадцать минут Женя вышел из палатки, заботливо рассовав по отделениям бумажника миллионы наличными, Громова уже ждала его. Для поездки в деревню, как в хоть какой-то оплот цивилизации на ближайшие двадцать километров, она даже приоделась. К удивлению Жени, вместо выдавших виды штанов от афганки, растянутой майки-

алкоголички и широкой рубашки на ней было прелестное ситцевое платье в цветочек. Впечатление портит разве что пустой вещмешок, который Громова по обыкновению повесила на одно плечо.

«А она может быть похожа на человека, — подумал Женя, невольно задерживаясь взглядом на загорелых ногах Громовой. — На красивого человека...»

Он и сам сменил пропотевшую ковбойку на чистую рубашку и переобулся в более-менее приличные туфли. Продавщице Катьке Женя безнадежно нравился, и сейчас стоило этим воспользоваться.

— Список составила? — строго спросил он, поставив мотор прогреться, когда они оба залезли в машину. — Того, что надо лично вам: выпивку и курево я на общественные деньги покупать не намерен.

— Всё учтено могучим ураганом, — заверила Громова, опуская стекло усиленным прокручиванием «весла». — Как думаете, «Прима» в деревне есть? — Она провела ладонью по успевшим взмокнуть и потемнеть рыжим волосам.

— Не знаю и знать не хочу, — честно ответил Женя. — Вот что, Громова, — произнёс он, трогаясь с места и выворачивая руль, — курить вредно, поэтому бросай. И пить тоже.

— А вам какое дело? — Громова на удивление даже не вспыхнула, хотя обычно ей хватало малейшей искры, чтобы завестись. Впрочем, как и ему самому.

— Никакого, — пожал плечами Женя, ведя «Жигули» по гравийной просёлочной дороге, по обе стороны которой раскинулись кукурузные поля.

— Прекрасное место для высадки пришельцев, — прокомментировала происходящее Громова, почти выворачивающая шею и высовывающаяся из окна, чтобы рассмотреть местный пейзаж. — Вы верите в пришельцев, Евгений Николаевич?

— «Секретных материалов» насмотрелась? — усмехнулся Женя, краем глаза поглядывая на девчонку. Она и правда напоминала агента Скалли с той разницей, что была моложе, фигуристей и, казалось, ещё меньше.

— Да-а, — протянула Громова, усаживаясь ровно и прижимая к себе пустой вещмешок. — Все кассеты посмотрела по пять раз. Сама записывала.

Женя неопределённо хмыкнул на это известие. Хорошо девчонке: море свободного времени и возможность смотреть голливудские фильмы, когда захочется. Ему самому приходилось для этого не спать половину ночи.

— Задержимся немного в деревне, — произнёс он, сворачивая на пыльную степную дорогу. — Я хочу зайти к Кузьмичу.

— Это кто? — кажется, с искренним интересом спросила Громова.

— Местный пасечник.

— И что у него собирают пчёлы? Мятлик?

— Твои любимые жёлтые цветы.

Глава 5. Кража

Ближайшая к лагерю деревенька отличалась на редкость приличным видом и умеренным количеством местных буянов и алкоголиков, которые чаще всего толпились возле местного клуба или магазина. Иногда этот контингент ошивался и на раскопе: кто-то вбил им в головы, что если копают, значит, археологи, а если археологи, значит, нашли золото. Женя слышал, что кто-то даже видел, как выносили из породы золотые слитки, а вниз по реке плыл золотой песок. Разок-другой особо любопытные в пьяном угаре наведывались на раскоп, но несколько ударов в челюсть быстро разъяснили, что к чему. Теперь местные буяны Женю побаивались, а всё женское население вздыхало у заборов, когда он приезжал в деревню. Высокий синеглазый блондин тридцати шести лет, загорелый и подтянутый от вечных полевых сезонов, непьющий и некурящий, выгодно отличался от деревенских мужиков, а степень кандидата наук и вовсе придавала ему ореол некоего небожителя.

Продавщица Катька его и вовсе боготворила.

Женя, открыв дверь и зайдя в душный, несмотря на распахнутые окна, магазин «Заря», широко улыбнулся и мило поздоровался:

— Здравствуйте, Катенька!

— Ой! — полная раскрасневшаяся Катька, протиравшая до этого со скучающим видом деревянный прилавок, расплылась в улыбке. — Евгений Николаевич, и вам не хворать!

— Ко мне на практику привезли студентов, Катюша, — пожаловался Женя. — Все продукты сожрали, черти.

— Бедный вы, бедный, Евгений Николаевич! — запричитала Катька, резко нагибаясь к нему через прилавок. Она всегда называла его на «вы» — для неё Женя был сродни высшим силам или начальству. — Давайте сюда список, я сама всё вам соберу. А может, ещё чего-нибудь дам на дорожку! — она игриво подмигнула покрашенными дешёвой косметикой глазами и исчезла в складском помещении.

— Твою ж мать!.. — бормотание, достаточно внятное, чтобы можно было различить слова, но недостаточно громкое, чтобы предъявить претензии, раздалось из-за спины. — Заигрывать с продавщицами — это пиздец...

— Что ты там бормочешь? — почти зашипел Женя, оборачиваясь, но Громова стояла на удивление далеко и присматривала выставленный на продажу хлеб. — Вообще, какое тебе дело?

— Вы вообще о чём? — девчонка с невинным видом повернулась к нему. — Покупайте уже быстрее, я ещё по деревне пройтись хочу.

— Ты хоть совершеннолетняя? — Женя с сомнением посмотрел на Риту. — За тебя покупать сигареты и пиво я не буду.

— Мне восемнадцать, — Рита заносчиво вздёрнула нос и подошла к прилавку. — Вы идите, Евгений Николаевич, загляните к вашему Кузьмичу, как и хотели.

— Ты не потеряешься? — выглядела Громова самостоятельной, но спросить было надо.

— Я буду ожидать вас возле машины. — И Рита отвернулась, выкладывая на деревянные счёты свои миллионы.

Женя махнул рукой и вышел из магазина, с наслаждением вдыхая свежий воздух, отдававший мёдом и разнотравьем. Прохрустев затёкшими после поездки костями, он

направился к дальнему краю другой стороны улицы, где жил в добротном белёном доме с резьбой на окнах пасечник Кузьмич.

— Ну давай, Николаич, бывай! — радостный Кузьмич сверкал своими золотыми зубами, а Женя довольно жмурился на солнце. Он вдоволь напился кваса и теперь прижимал к груди полукилограммовую баночку мёда, которую Кузьмич, как и обещал, приберёт ему с прошлого года. — Я вот что ещё спросить хотел: что это за рыжая девка, с которой ты третьего дня на раскопках собачился?

— Кузьмич, дядька, не вспоминай! — с досадой махнул рукой Женя. Говорить о Громовой ему сейчас не хотелось. Было слишком хорошо. — Студентка из города. Зовут Маргарита. Жду, когда её черти возьмут.

— Милые бранятся, только тешатся! — засмеялся Кузьмич, вытирая перепачканные в чём-то руки о тельняшку. — Скорее ты её возьмёшь, чем черти! — пасечник хлопнул Женю по плечу, отчего он едва не ушёл в землю, хотя в жилистом, почти чёрном от солнца и медовухи Кузьмиче никак нельзя было заподозрить такой силы. — Поцелуй её от меня!

— Непременно, — кисло улыбнувшись, ответил Женя. Кузьмич успел залиться медовухой и нёс всякую чушь. — До скорого! — он пожал протянутую руку и, спустившись с поскрипывающего крыльца, направился обратно к машине, незаметно вытирая ладонь о штаны: от тельняшки рука Кузьмича чище не стала.

Женя шёл по широкой сухой дороге и грелся в лучах солнца, которое сейчас именно грело, а не пекло. В кустах сирени чирикали воробьи и ещё какие-то мелкие птицы, куры ковырялись в земле, а где-то вдалеке за ровными рядами домов блеяли козы.

В этот момент порыв свежего ветра донёс до Жени сладковатый запах. Он остановился и вдруг увидел, что в одном из палисадников за крашеным забором растут розы. Целый гигантский куст мелких красноватых роз, благоухавших на всю улицу, привлекая жужжащих шмелей и белых бабочек-белянок.

«Красивые, — подумал Женя, остановившись и глядя на это шуршащее на ветру великолепие. — Никто же не заметит, если я оторву несколько веточек...»

И, плохо соображая, что делает, Женя, воровато оглядевшись, перемахнул через невысокий забор и залез в палисадник.

Он угодил точно в маленький, невероятно колючий куст шиповника, незаметно притаившийся за забором. Женя едва не взвыл, когда десятки колючек впились ему в руки, пока он, стараясь не шуметь, выбирался из куста и отламывал несколько веток дикой розы, усеянной источающими аромат цветами.

Пчёлам его вторжение, конечно же, не понравилось. Женя вытащил из руки два жала, пока подходил к машине, усиленно делая вид, что ничего не случилось, а сорванные розы — это так и надо.

Возле «Жигулей» его ждали Рита и коробки с продуктами.

— Магнитола не вырвали, пока вас не было, — вместо приветствия произнесла Рита. Вещмешок оттягивал ей плечо, а его содержимое позвякивало внутри.

— Держи, — Женя протянул ей сорванные веточки. — Ты всё ныла, что хочешь на стол розы, а не вонючие жёлтые цветы с поля.

— Спасибо, — Громова округлила глаза. — Сколько я вам за них должна? — Она уже полезла в карман вещмешка, но Женя остановил её.

— Нисколько. Считай, это премия за хорошую работу.

— Я же бездарность, — склонив голову, проговорила Рита. — Вы сами говорили.

— Бездарность, — согласился Женя. Он не собирался отказываться от своего мнения. — Что ты вообще хочешь от жизни? — ему вдруг действительно стало интересно.

— Встретить живой две тысячи первый год, — засмеялась Рита, а потом добавила: — А если серьёзно, то стать доктором наук.

— Такие, как ты, позорят отечественную науку, — от неожиданности Женя даже не скривился и ляпнул первое, что пришло ему в голову: слова шефа, которыми тот постоянно мотивировал Лащенко и других стать лучше. — Но я бы посмотрел на тебя в роли доктора наук, — быстро добавил он, видя вытянувшееся от обиды лицо Риты. — Жаль только я не доживу.

— Это точно, — пробормотала Громова. — В живых должен остаться только один, — она усмехнулась. — Вам же почти сорок — умирать пора.

— Не замолчишь — пойдёшь пешком, — предостерег Риту Женя. Он вовсе не считал себя старым, хотя для восемнадцатилетней девчонки наверняка был дряхлым стариком.

— Хорошо-хорошо, — Рита обворожительно улыбнулась, аккуратно складывая розовые ветки на коленях. — Я буду молчаливой галлюцинацией.

И она действительно молчала всю дорогу до лагеря, за что Женя был очень благодарен: он исцарапался в колючем кусте, совершил кражу, испортил растение и всё это во имя... Он и сам не знал, чего. Махнув студентам, чтобы они разгружали машину, он отправился на раскоп и проторчал там один целый день, невнятно и злобно отговорившись от предложений Димы и Генриха пойти с ним. Только Сергей Сергеевич не лез к нему, а лишь улыбнулся и благодарно принял у Риты несколько пачек «Примы» — других сигарет у Катьки не нашлось.

Когда Женя, пыльный, уставший и голодный вернулся с раскопа, то его ждал сюрприз: в обеденной палатке кто-то накрыл стол, хотя время ужина уже давным-давно прошло, и остатки перловой каши подсыхали в котле.

«Для Е.Н.» — гласила записка, воткнутая в порцию каши с подозрительно большой горкой мяса.

Запахло солёно и терпко, и Женя, принявшись, понял, что пахнет козьим сыром. У него потекли слюнки: козий сыр он беззаветно любил. А в сочетании с лепёшками на неизвестно откуда взявшемся молоке и салатом из свежих овощей это была вообще пища богов.

— Кто это сделал, — громко произнёс Женя, с полным ртом, — может завтра спать до обеда и идти на раскопки только вечером!

Он уже подозревал, чью рыжую макушку не увидит утром: на столе в импровизированной вазе стояли светло-красные дикие розы.

Глава 6. Рисунок

Середина 90-х

— Вы — бездарность, — мрачно произнёс Женя, оглядывая оконтуренные позвонки степного мамонта. Студенты срезали больше почвы, чем нужно, а это ставило под сомнение, что вообще возможно будет взять монолит, как было задумано изначально. — Нет, вы хуже. — Он провёл пятернёй по густым волосам, которые под нещадно палящим южным солнцем из светло-русых превратились просто в светлые, и одёрнул мятую рубашку. — Вы — бездарность с руками из жопы. Нет мозгов — хер с ними, но руки-то хотя бы должны быть! — Он в сердцах пнул кусок известняка, отчего его и без того пыльные кеды испачкались ещё и в меле.

Сегодня Женю расстраивало буквально всё.

— Да что не так-то, Евгений Николаевич?! — воскликнула Рита, которая была единственной, кто мог сказать ему что-то поперёк: остальные смотрели в пол и перемывали кости за спиной. — Мы позвонок пропитали клеем? Пропитали. Оконтурили? Оконтурили. Что ещё надо-то, а? — в её голосе звенело негодование, а глаза уже готовились наполниться злыми слезами.

— А это что такое? — Женя подошёл к Рите и, создав тень, протянул ей листы бумаги, на которых куриной лапой Орлова были нарисованы кости слона. Хуже рисунка он в жизни не видел.

— Кости, — ответила Рита. Она была так близко, что Женя опасался, как бы девчонка не воткнула ему в печень скребок, который сжимала в маленькой, но твёрдой руке.

— И ты туда же, — Женя выдохнул так сильно, что короткие прядки на лбу Риты чуть колыхнулись. — В общем, так. — Он впихнул ей в руки листы, на непозволительно долгое мгновение задержавшись пальцами на запястьях. Её руки, нагретые солнцем, обжигали. — Перерисуешь и вечером покажешь.

— Да, господин, — с сарказмом ответила Рита, а когда он уходил, до него долетел шепоток: — Чтоб тебя черти взяли!

Женя решил ничего не отвечать на этот выпад. Несколько дней, последовавшие за поездкой в деревню, оказались на удивление спокойными. Студенты не буянили, а вкусная еда почти примиряла с суровой реальностью. Рита стала говорить как будто меньше, да и Женя вдруг понял, что ему несколько надоело доставать её. Особого зла она не делала, а заливиный хохот можно было простить за пару песен: Женя несколько раз подходил к вечернему костру, и Рита по его просьбе исполняла некоторые композиции.

Женя любил песни Цоя, и Рита никогда ему не отказывала. Слегка приподнимала бровь, проводила пальцами по волосам, высекая из них рыжие в отсветах костра искры, и играла.

— Но если есть в кармане пачка сигарет, — тема смерти на фоне противостояния Сирин и Гамаюна становилась особенно актуальной. — Значит всё не так уж плохо на сегодняшний день. — Голос Риты пленял, унося куда-то в заоблачные дали, в так и не наступившее прекрасное далёко.

Напевая себе под нос «Пачку сигарет», довольный Женя устроил себе выходной и завалился спать.

Ему снилась Рита. Сладкая и сочная, она смеялась и медленно раздевалась. Женя уже почти увидел её упругие ягодицы без шорт, уже потянулся к ним подрагивающими от

возбуждения пальцами, и в этот момент прозвенел будильник. Ругнувшись, Женя заворочался под расстёгнутым для удобства спальником.

— Еблан озабоченный, — обругал себя Женя, вытаскивая из штанов руки и с сожалением думая, что он уже начал дичать. Надо было съездить в город, а то от Кузьмича и его кваса становилось только хуже. — Картинок в журналах стало мало. — Стопка журналов «PlayBoy», в основном старых номеров, высилась в углу палатки. — Так тебе и надо.

В этот момент за брезентовой стенкой зашуршали камни, а на вход легла искажённая лучами вечернего солнца тень. Женя проспал почти полдня, и его ожидала бессонная ночь над журналами находок и сбитый режим.

— Виват, команданте! — с серьёзным лицом воскликнула Рита, стоя на пороге и ковыряя носком кеда землю.

«Будь я Че Гевара, ты бы здесь не стояла», — подумал Женя, протирая сонные глаза. А вслух сказал:

— Да ладно тебе. Рисунок принесла? — уже строже добавил он.

— Вот, — Рита протянула ему аккуратно сложенные листы с поразительно красивыми рисунками.

Руки у девчонки, в который раз отметил Женя, росли откуда надо, и с этим приходилось считаться. Еду она готовила вкусную, и Женя подозревал, что Рита всё же ловит тайком сусликов, в изобилии водившихся в соседних холмах.

— Всегда бы так, — буркнул Женя, рассматривая рисунки и с сожалением не находя, к чему придраться. — И больше не дерзи. Поняла? — Он собирался как можно строже посмотреть на девчонку, чтобы у той и мысли больше не возникало бузить, но когда повернул голову, его мысли обратились в пепел.

Женя увидел прямо перед собой её глаза: большие, яркие, насыщенного тёмного цвета, широко распахнутые и манящие, словно русалочий пруд. Сердце гулко стукнуло, а потом он заметил её карминно-красные губы и пропал. Взор заволокло алым туманом, а кровь от возбуждения била по артериям. Плохо осознавая, что делает, Женя наклонился над оторопевшей Ритой и поцеловал. Её губы были чуть солоноватые и тёплые: девчонка и правда целый день просидела на солнце, зарисовывая кости.

Плохо соображая, что делает, Женя хотел было углубить поцелуй, но в следующее мгновение его ослепила боль.

Глава 7. Поцелуй

Пронзительная, острая, отозвавшаяся в ушах хрустом костей и хряща. Женя резко отшатнулся и инстинктивно прижал руку к лицу, а когда отнял, увидел то, что ожидал: кровь из разбитого носа. А напротив него стояла красная и разъярённая Рита Громова.

— Извращенец ты, Лащенко, — она перешла в открытую фамильярность. — Я выгляжу на шестнадцать! Педофил, что ли? — Рита поморщилась, сжимая и разжимая уже начавшие опухать пальцы.

— Ты всё не так поняла, — Женя осознавал всю пошлость своих слов и дурость положения: девчонка была не лыком шита. — Это всё ничего не значит.

— И вот это тоже ничего не значит? — Рита усмехнулась и указала пальцем на его пах.

Он выругался, не сдержавшись: стоявший как железный член и ноющий от возбуждения живот говорили о многом.

— Пошла вон! — Он резким движением вытащил из штанов заправленную рубашку. — Я на непонятном языке говорю?

Рита мгновение помедлила, а затем бесшумно выскользнула из-под навеса. Подошвы её кедров застучали по утопанной земле, и до Жени долетели слова, сказанные достаточно громко, чтобы он их услышал:

— Дурак ты, Лащенко. И уши у тебя холодные. Мамонтов своих видишь за километр, а что под носом творится — нет.

— Стоять! — Женя выскочил следом за ней и, в два прыжка преодолев разделявшее их расстояние, развернул девчонку к себе, сжав её округлые, оголённые лямками майки-алкоголички плечи.

Он ожидал, что Рита сейчас начнёт вырываться или, по крайней мере, орать благим матом и звать на помощь, но она не шелохнулась, опустил голову и упорно не поднимая на него взгляд. Её густые, пахнувшие солнцем и травами рыжие волосы беспорядочной копной закрывали лицо.

Кровь капала из разбитого и, кажется, сломанного носа, стекала липкой струйкой по подбородку и пачкала рубашку, но сейчас Жене было не до этого: молчание обычно громкой и резкой Риты сбивало с толку и не укладывалось в голове. Возбуждение от поцелуя отступило, осталась только неясная, царапающая сердце тоска, как будто он что-то сделал не так.

Женя чувствовал, что должен извиниться перед Ритой: поступил он и правда нехорошо. «Интрижки и недосказанность губят коллектив, — прозвучал в его голове голос оставшегося в городе шефа. — Если почувствуешь, что назревает конфликт, поговори и обсуди всё. Личное не должно мешать общественному».

«Спасибо, шеф, — мысленно поблагодарил Женя. — А теперь — отвали и дай подумать, что сказать».

В этот момент Рита как-то особенно громко вздохнула, и Женя понял, что смущало его до этого: чересчур влажное дыхание девчонки.

— Громова, — он легонько потряс её за плечи, отчего свисающие пряди огненных волос качнулись, — ты что, плачешь? — Он снял руку с плеча Риты и осторожно, как будто извлекал из почвы хрупкую кость, отбросил с её лица волосы.

В сгущающихся тёмно-синих сумерках было видно, что глаза у Риты красные не от

недосыпа из-за пирушек, а от слёз, которые мелкими капельками стекали по щекам, отчего расширенные зрачки словно плавали в прозрачной воде.

— Это лечится, — губы Риты искривила какая-то странная болезненная улыбка. — Банка чистого спирта и всё будет хорошо. — Она снова попыталась нацепить маску дурашливой студентки, но фарфор уже дал трещину, и теперь Женя всё видел.

— Нет, так не пойдёт. — Ему было всё равно, что бродившие по лагерю практиканты могли что-то увидеть. В конце концов, что такого: руководитель беседует со студенткой. — Давай рассказывай. — Он легонько приобнял одной рукой Риту за плечи, а другой вытер кровь на подбородке: течь она, кажется, уже перестала. — Что у тебя? — Женя осторожно подтолкнул Риту, заставляя идти: обычно при ходьбе ему лучше думалось.

— Да как вам сказать, Евгений Николаевич... — она всё ещё цеплялась за образ студентки.

— Как есть.

Недосказанности губят коллектив.

— Ну... — Рита подняла на него выразительный взгляд, который так и говорил: «Идиот, ты разве не догадался?» — Влюбилась я в вас, Евгений Николаевич. Теперь довольны? — Она остановилась и, выскользнув из его объятий, в которых, как оказалось, он продолжал её держать, встала напротив.

— Нет, — это вырвалось так внезапно, что Женя почувствовал себя полным придурком, а не кандидатом наук. — В смысле, ответом я доволен.

— А его содержанием? — Рита усмехнулась, чуть поджав полные губы. От этого на её щеках образовывались ямочки, и Жене становилось трудно соображать.

— Почти, — уклончиво ответил Женя. — Знаешь, что самое главное в коллективе?

— Свобода, равенство, братство? — Она не могла без иронии, а он вдруг понял, что Рита просто так защищалась, атакуя.

— Не совсем, хотя и это тоже, — ответил Женя, подходя к Рите и радуясь, что она не отступает. — Честность. Хочешь ещё?

— Поцеловаться? — В сгущающемся сумраке её влажные глаза отражали розовые мазки заката на темнеющем небе.

— Да. — Голос охрип и не повиновался. Нос горел огнём, а засыхающая кровь на подбородке вызывала зуд. Но тепло Риты, запах её нагретой солнцем кожи оказались сильнее.

— А голубей и «жили они долго и счастливо» не будет? — с сарказмом спросила Рита. — А то я не уверена, что с моим образом жизни дотяну до тридцати.

Она упорно пыталась склеить треснувший фарфор, окончательно рассыпавшийся, когда Женя, положив пальцы на её шею и чувствуя биение крови под кожей, притянул к себе Риту, которая на этот раз сама прильнула к нему.

Глава 8. Поле

Середина 90-х

Пахнувшее горячим солнцем и пылью разнотравье, словно море, колыхалось вокруг. Женя лежал, закрыв глаза, на расстеленном на земле покрывале и, подставив лицо лёгкому ветерку, наслаждался покоем. В выгоревшей жёлто-зелёной траве расцветало всё больше красноголовников, которые, словно алые огоньки, зажигались повсюду, расцвечивая бескрайнюю степь.

— Хорошо, что это не маки, — Рита, лежавшая рядом, положила лохматую рыжую голову ему на плечо. — Не то мы бы уснули здесь как Элли и Смелый Лев.

— И кто тогда был бы Тотошкой? — улыбнулся Женя, проводя ладонью по нагревшимся волосам Риты. Было приятно чувствовать мягкие густые пряди под пальцами, прослеживать тонкие завитки на шее, заправлять за маленькое ухо выбившиеся локоны. Простые радости жизни, приобретающие вдаль от города и цивилизации особый смысл.

— Обойдёмся без него. — При ярком свете глаза Риты казались почти такими же рыжими, как и волосы. — Тебя не потеряют?

— Я сказал Сергею Сергеевичу, что мы пойдём и посмотрим, где можно будет копать в следующем году.

Женя действительно отлучился из лагеря под таким предлогом. Студенты оказались только рады от него отделаться, а товарищи только гадко ухмылялись и продолжали обсуждать последние серии «Дикой Розы». Глупо было думать, что этот и другие сериалы смотрели только бабульки и домохозяйки. Подумав об этом, Женя тут же озвучил своё предположение.

— Ты смотришь «Дикую Розу»? — засмеялась в ответ Рита, проводя кончиками загрубевших от работы, но всё ещё нежных пальцев по раскрытой воротом рубашки груди Жени. Её прикосновения будоражили кровь, и вместе с тем давали расслабиться. Женя чувствовал, как уплывает в солнечную негу, будто они действительно лежали посреди коварного макового поля.

— Я люблю мексиканские страсти, — честно ответил Женя, мягко привлекая к себе Риту и переворачивая на спину, нависая над ней. Его порядком отросшие за лето выгоревшие волосы чуть касались лица Риты и едва заметно колыхались от её дыхания. Поймав размытый взгляд, Женя усмехнулся и, наклонившись, поцеловал её.

Рита целовала его в ответ глубоко и страстно, уже почти перестав смущаться, а Женя, забыв обо всём, наплевав на студентов, товарищей и местных, которые могли внезапно объявиться на поле, шарил руками по девичьему телу. Он мял её грудь, чувствуя под руками горячую, пропитанную солнцем и травами кожу. Зарывался лицом в рыжие волосы — густые и тёплые, словно само лето пряталось и путалось в них так же, как и его пальцы. Ему нравилось целовать её губы, припухавшие от ласк и делавшиеся ещё сочнее и ярче после того, как он отрывался от них.

В такие моменты Рита становилась необычайно прелестной, а россыпь мелких веснушек на носу и щеках казалась особенно милой. Женя наклонил голову и коснулся лёгким, практически невесомым поцелуем тонкой кожи со следами солнечных ожогов.

В ответ Рита как-то особо тихо хихикнула и, отрываясь от него, прошептала:

— Прости, что сломала тебе нос, — она коснулась полоски лейкопластыря, которым

Женя заклеил перебитый хрящ. — Я правда не хотела бить так сильно, — Рита виновато улыбалась, и Женя совершенно не мог на неё сердиться.

— Я сам виноват. — Нос уже почти не болел, но на любое прикосновение отзывался неприятным покалыванием. — Не надо было лезть к тебе без согласия.

— В письменном виде? — усмехнулась Рита, продолжая неспешно очерчивать контуры его лица и ероша густые волосы.

— Доиграешься ведь, — беззлобно откликнулся Женя, чувствуя, что улыбается. Рита была лёгкой и воздушной, а вечерами, когда она уходила с ним за палаточный городок, казалась в свете нарождающейся луны почти нереальной. — Придёшь сегодня вечером на поле? — в сгущающихся синих сумерках закрытые красные бутоны казались особенно яркими.

— Приду, конечно, — откликнулась, жмурясь от солнца и удовольствия, Рита. — Мои однокурсники уже стали о чём-то подозревать: по лагерю ползут слухи.

— Тебя это так волнует? — Женя внимательно посмотрел на Риту.

Она казалась спокойной и безмятежной, но спросить он всё же должен был. Самого Женю мало волновало, а точнее совершенно не волновало мнение сопляков, которых он больше в жизни не встретит. Но если для Риты это важно, он готов сделать внушение или набить какому-нибудь зарвавшемуся практиканту морду.

— Немного, — честно ответила Рита. — Мне потом с ними ещё учиться. А, впрочем, — она прищурилась, — какая им, посторонним мне людям, разница, с кем я встречаюсь?

— Так мы, значит, встречаемся? — Женя продолжал улыбаться, как дурак. — Серьёзно?

— Разве я когда-нибудь шутила? — усмехнулась в ответ Рита.

— Постоянно. — Женя вновь привлёк её к себе, целуя.

После вечера с рисунками прошла уже неделя.

Сначала Женя плохо осознавал, что происходит. Новорожденное чувство захватило его, стирая все предыдущие воспоминания. У него было много женщин, однажды он почти женился, но ни одна из его любовниц не шла ни в какое сравнение с Маргаритой Громовой.

В этой солнечной девочке, поцелованной огнём и летом, таилось что-то нездешнее. Когда она пела, то хотелось слушать её вечно. А когда смеялась, Жене казалось, что это звенят колокольчики, отгоняющие от раскопа нечистую силу разного рода, в которую он, конечно, не верил, но всё же... Иногда он ловил себя на мысли о том, что Рита, возможно, и есть та самая пресловутая Белая археологиня¹, вознаграждающая честных работников за самоотверженность и трудолюбие.

— Ты точно настоящая? — Женя задал этот вопрос не из праздного любопытства, ему действительно надо было это знать. В темнеющей степи всё переменчиво и может оказаться совсем не таким, как кажется на первый взгляд.

Рита сидела спиной к нему и играла на гитаре что-то лёгкое и бессмысленное: просто перебирала пальцами струны, глядя куда-то вдаль, где проваливалось за горизонт солнце.

— Более чем, — она повернулась к нему. — Не думаешь же ты, что я и правда птица Сирий? — Рита усмехнулась, задевая струну. — Я — просто студентка, вечно доводящая всех до белого каления, — она засмеялась, отложила гитару и подошла к Жене. Совершенно беззастенчиво Рита опустилась на его колени, обвив руками шею и поцеловав кончик носа, даже не отозвавшийся болью.

У Жени на мгновение перехватило дыхание. Горячие бёдра Риты жгли огнём его ноги, он чувствовал, как разгорается пламя внизу живота и как растёт его возбуждение.

— И кого ты ещё доводишь до белого каления? — Женя старался держаться. Не мог же он взять её прямо здесь и сейчас, опередив пресловутых чертей?

— Своего отца, например, — Рита посмотрела прямо ему в глаза. — Он хотел, чтобы я стала врачом, — она усмехнулась, — а я, коза такая, подалась в науку.

— А кто твой отец?

— Подполковник милиции Алексей Алексеевич Громов. — Рита провела рукой по его шее, переходя на плечи. — А что?

— Понятно тогда, откуда твои армейские замашки, — усмехнулся Женя, представив себе Риту на плацу в военной форме. Выглядела она аппетитно.

— Папа хотел сына, — невозмутимо пожала плечами Рита. — Родилась я.

— Ну и чёрт с ним, — пробормотал Женя, совершенно теряясь в ласках Риты и уже плохо соображая. — Иди сюда.

Нужно было идти в палатку. И немедленно.

Глава 9. Палатка

Рита ломалась и нервничала, почти уползая от него куда-то в угол палатки.

— Рита, ты чего? — Женя внимательно посмотрел на её алеющие щёки и растерянно закусанную губу. — Что с тобой? — Он быстро переполз на другую сторону палатки и мягко прижал её к себе, чувствуя, как бьётся девичье сердце. Гулкие удары сливались со стуком его собственного, и Жене на мгновение показалось, что сердец у него два.

— У меня это в первый раз, — пробормотала Рита, рассеянно терзая пальцами край наброшенной на плечи Жениной рубашки, почти утопая в ней. — И я волнуюсь, — она подняла на него глаза с почти исчезнувшими от расширившихся зрачков радужками. Дыхание её пахло мёдом.

Женя совершенно неромантично вдохнул, почти хрюкнув. Такого поворота он не ожидал. С запозданием Женя вспомнил, что Рита всё время делала полупрозрачные намёки, а он, ослеплённый её красотой и собственным желанием, ничего не замечал.

— Если не хочешь, — он постарался собрать себя, — то я ничего не буду делать. Просто ляжем спать.

— Ну уж нет! — Рита ткнула его ладонями в грудь. — Сказал «А», говори и «Б»!

Собранные Ритой цветы благоухали на всю палатку, а оплавленные восковые свечи горели мягко и ровно, отбрасывая на брезентовые стенки смазанные тени. Женя, избавившись от промокшей от пота рубашки, нависал над Ритой, казавшейся сейчас удивительно хрупкой. Она смотрела на него большими глазами, в глубине которых плескалось тёмное пламя.

Обнажённая Рита трепетала в его руках и отчаянно смущалась.

В ней было прекрасно всё: тёмно-рыжие завитки волос на лобке, округлые колени, тонкие щиколотки, которые Женя легко мог обхватить ладонью. Крупные розовые соски напряглись и затвердели, а мягкая упругая грудь едва-едва вмещалась в руку.

Женя задышался от возбуждения, но старался держаться.

Он размеренно двигался в ней, запрокинув голову и чувствуя, как катятся по горевшему лицу капли пота.

Горячая, узкая, влажная... Женя удивлялся обрывками сознания, как он ещё не сошёл с ума от жаркой смеси цветочного аромата, солнечных волос Риты и смазанных вздохами стонов, то и дело срывавшихся с её приоткрытых губ.

Они обошлись почти без крови, а две прозрачные слезинки, выкатившиеся из уголков глаз Риты, Женя собрал поцелуем. Она была так прекрасна, так незащищена, что Жене стало безумно стыдно за то, что он так беспощадно третировал эту милую девушку.

— Солнце моё, — он нежно коснулся кончиками пальцев раскрасневшейся щеки Риты. Глаза её были закрыты, лишь ресницы едва заметно подрагивали. — Взгляни на меня.

Рита приоткрыла глаза, кажется, в первый раз с того момента, как Женя только-только взял её.

«Слава Богу, — подумал он, — она не видела моего перекошенного лица». А вслух произнёс:

— Ты как? — ему важно было знать.

— Жить буду, — тихонько улыбнулась Рита. Её звонкий голос чуть охрип и звучал как-то иначе.

— Тебе хоть понравилось? — Женя со смесью тревоги и любопытства заглянул ей в глаза.

— А по мне не видно? — Рита провела тыльной стороной ладони по глазам, стирая остатки слёз. — Всё было прекрасно! — она запустила прохладные пальцы в его растрёпанные волосы.

Женя благодарно выдохнул и, устроившись рядом с Ритой, положил голову ей на грудь. Она продолжала перебирать его волосы, что-то тихо напевая, а Женя соскользнул, убаюканный волшебным голосом, в сон без сновидений.

Солнце давно перевалило зенит, и дело шло к вечеру, однако разнообразные полевые цветы ещё не успели закрыться. Женя насобирал для Риты целую охапку, и Громова, загорелая и счастливая, в выцветшей рубашке-ковбойке с закатанными по локоть рукавами, вплетала нежные зелёные стебли в рыжие волосы. Сам Женя так и не постиг премудрости плетения венков, поэтому только смотрел на то, как мелькают, закручиваясь, листья и цветы в ловких пальцах Риты.

Они гуляли уже довольно долго и в какой-то момент наткнулись на Лёшу Орлова, который, бросив всё, что было связано с раскопками, занимался любимым делом — ловлей насекомых. Женя так и не понял, что этот разговорчивый студент-энтомолог забыл среди геологов.

Вокруг колыхался под порывами степного ветра мятлик, а Орлов увлеченно щёлкал «Полароидом». Рядом с ним на примятой траве лежали сачок для ловли бабочек и банка-морилка, вонявшая ацетоном всякий раз, как Лёша её открывал.

— Эй, ты! — окликнул Женя встрепенувшегося студента. — Лёша, можешь нас сфотографировать? — получив от Риты ощутимый тычок в бок, Женя добавил: — Пожалуйста.

— Не вопрос, — бодро отозвался Орлов. Он бросил сачок на траву и, повозившись с фотоаппаратом, произнёс: — Так, Рита, Евгений Николаевич, встаньте вот сюда. Нет, немного левее, — командовал Орлов, выбирая наиболее удобную позицию для снимка. — Вот, здесь хорошо!

Женя обнял рукой Риту за талию и притянул к себе. Она почти дышала теплом, нагревшись на солнце, игравшем на фиалках в её волосах.

— Сделай две фотографии, — попросил Женя, когда Орлов уже приготовился щёлкать стартовой кнопкой.

Вспышка на мгновение ослепила, а затем ещё раз, но Женя не моргнул, а продолжал смотреть в объектив фотоаппарата. Возможно, подумал он, это единственное вещественное доказательство того, что их роман не был сном, которое останется после жаркого лета. Не улетит вместе с песком куда-то в выгоревшие дали.

— Что спеть тебе вечером? — спросила Рита, когда они, взявшись за руки, шли через раскоп обратно в палаточный лагерь.

— Что-нибудь из Цоя, если можно, — Жене всё ещё бывало неудобно просить у Риты песни, которые она играла для него одного.

— Для тебя всё что угодно, — улыбнулась Рита. — Ведь осталось так мало тёплых дней лета.

— Молчи, Маргарита! — Жене не хотелось думать о том, что практика скоро закончится, хотя совсем недавно, казалось, миллионы лет назад, когда по земле ещё бродили степные мамонты, он бы отдал всё, чтобы студенты вообще не приезжали. — И не грусти, —

он уже уловил в её голосе философские нотки, которыми открывались размышления о райских птицах. — Времени ещё километры.

Глава 10. Прощание

Середина 90-х

Когда Сергей Сергеевич только привёз студентов на практику, Жене казалось, что эти четыре недели будут длиться вечно.

Теперь же он чувствовал, что этих двадцати восьми дней и не было вовсе. Как будто он увидел пыльный «ЛиАЗ», моргнул, и перед ним стоит всё тот же бело-синий автобус. Вот только степь за это время выгорела ещё сильнее, нос почти сросся, а сам Женя безнадежно влюбился.

Он покосился на Риту, одетую так же, как и когда она приехала на практику: закатанные по колено штаны от афганки, рубашка и стоптанные кеды. Свой вещмешок она, правда, в кои-то веки отдала водителю, грузившему вместе с парнями-студентами вещи в багажник.

Она стояла рядом с ним, маленькая и на удивление спокойная. Её рыжие волосы, нестерпимо блестящие на солнце, чуть выгорели и отросли за прошедшее время. Рита перехватила их полоской ткани, и пёстрые концы свешивались через выступающие под распахнутым воротом рубашки ключицы на пышную грудь.

Жене нестерпимо захотелось поцеловать Риту. В последний раз перед расставанием ощутить тёплый солоноватый вкус её губ, запустить пальцы в огненные пряди, но он не рискнул. Слишком много народа вокруг, слишком близко город с его цивилизацией, уже протянувшей к отряду свои щупальца.

Ему и самому вскоре придётся вернуться туда, вдруг понял Женя. Снова окунуться в бесконечную бумажную волокиту, дурацкие очереди и причитания матушки, неизменно сводившиеся к тому, что красавец-сыночек сидит в своих непонятных полях вместо того, чтобы жениться и растить таких же красивых внуков с покладистой женой.

«А ведь я мог бы привезти ей Риту, — подумал Женя, глядя на стоявшую рядом с ним девушку, успевшую за короткое время стать для него много большим, чем просто студенткой поневоле или командировочной любовницей. — Посмотрел бы, кто кого». — Мысль познакомить свою матушку с Ритой показалась ему забавной. Но вместо этого он сказал:

— Я вернусь в город где-то в конце августа. — Морской ветер трепал волосы Риты. Женя упорно делал вид, что смотрит на бескрайние синие волны, но взгляд то и дело соскальзывал. — Позвони мне тогда.

— А ты приезжай в гости. — Рита порывисто обняла его, прижавшись всем телом, пахнувшим теплом и травами. Женя притянул её к себе, чувствуя, как бьётся под руками растревоженное сердце. Пусть сопляки думают, что хотят. — Мама обрадуется. — Она провела рукой по его волосам, пропустив сквозь пальцы пряди. Сейчас не хотелось думать и говорить, важно просто запоминать мгновения, чтобы бережно сохранить их, подобно гербарии, в памяти.

— Вряд ли, — поморщился Женя. — Я старше тебя почти на двадцать лет. — В глазах Риты отражалось море. — И гол как сокол. — Его действительно это волновало. Что он мог предложить яркой перспективной девушке? Зарплату младшего научного сотрудника или кошачьи слёзки командировочных?

— Гамаюн, — прошептала Рита ему на ухо, целуя горячими сухими губами мочку. — Ты — мой Гамаюн.

Женя не понимал, почему так прочно прилепилось к нему это прозвище, но разубедить Риту не стал. Она была его Сирином и пела в последние дни только для него одного. Цой, Гребенщиков и Григорян звучали в её исполнении как-то особенно волшебным, даже похабный «Хабибулин» вызывал лишь сочувствие.

Сирином и Гамаюном — два воплощения бога Велеса.

Женя вдруг вспомнил, как увлекался славянской мифологией в детстве и юности. В этом, да и во многом другом, они с Ритой ходили друг на друга. С ней можно было говорить практически о чём угодно, и это несказанно радовало.

— Ты дашь мне номер своего телефона? — голос Риты выдернул Женю из горько-сладких грёз-воспоминаний, куда он уже начал погружаться. Реальность была на этот раз слишком неприглядна. — А не то куда мне звонить? На деревню дедушке? — она улыбнулась, и Женя увидел, что Рита снова пытается спрятать за шутками затаённую боль.

— Где фотографии, которые сделал Орлов? — Женя, пошарив в кармане, вытащил оттуда шариковую ручку, которую всегда носил с собой на всякий случай: в учреждениях вечно не хватало письменных принадлежностей.

Рита молча извлекла из кармана рубашки две совершенно одинаковые карточки, запечатлевшие счастливое мгновение: они стоят посреди бескрайнего поля, обнявшись. Фиалки в волосах Риты горели потусторонним огнём. Женя пригляделся к своему собственному изображению: высокий, с выгоревшими отросшими волосами, синие глаза — о, чудо! — наконец-то улыбаются.

«Если она видит меня таким, — подумал Женя, — то у нас это — любовь».

Рита на фотографии была точно такая же, как и в жизни. Слово бумага впитала в себя часть её жизненной энергии, хотя Женя, конечно, не верил в эту антинаучную чушь.

Женя, опершись на нагретые солнцем «Жигули», положил фотографию к себе на колено и, стараясь писать аккуратно, вывел на белой оборотной стороне карточки цифры телефонного номера. Что-то в глубине души подсказывало ему, что Рита непременно позвонит. Она просто не сможет иначе. Вопрос только, когда она это сделает?

«В августе, — мысль верталась по кругу назойливой мухой. — Позвони мне в августе. Или осенью. Только позвони».

Рита тем временем тоже написала что-то на обороте фотографии.

— Это мой адрес, — она протянула Жене карточку. Её пальцы слегка подрагивали. — Заходи, как будет время, вечером я всегда дома.

— А я думал, что по вечерам ты зажигаешь в клубах, — ехидно бросил Женя. Собственный сарказм ему не понравился, оставив во рту привкус удручающей горечи. Это расставание было... неправильным.

— Я вообще домашняя пай-девочка, — беззлобно возразила Рита. Ссориться друг с другом по-старому как-то не выходило. — Моя мама даже не знает, что я курю.

— Бросай курить, — строго произнёс Женя. — Это вредно.

— Понятненько, — пожала плечами Рита. Карман штанов отчётливо оттопыривала пачка сигарет. — Но ведь всё не так уж плохо, правда? — она посмотрела на него такими глазами, как будто он мог дать ответы на все её вопросы.

Жене вдруг мучительно захотелось поцеловать её. Просто и легко, при всех. Но он сдержался. Рите ни к чему сплетни, которые и так пытались зародиться в студенческих пустых головах.

— Отправляемся! — резкий окрик Сергея Сергеевича разорвал повисшую на морском

побережье тишину. — Евгений Николаевич, будете прощаться со студентами? — по лицу коллеги было видно, что он пытается приободрить Женю, и он кивком головы поблагодарил его.

— До свидания, — как можно суше и официальнее произнёс Женя, обращаясь к толпе практикантов, успевших за четыре недели загореть дочерна и окончательно потерять человеческий облик. — Надеюсь, что на этой практике вы почерпнули знания, которые потом примените в жизни. Ну, садитесь в автобус, а то на самолёт опоздаете! — он повысил голос. — Удачи!

Студенты выстроились в очередь, заполняя автобус, а Рита всё стояла рядом с ним.

— Иди к своим, — собственный голос показался Жене каким-то злым и чужим. — Не разрывай мне сердце, — он не хотел это говорить, но слова сами собой сорвались с языка.

— Я отправляюсь вовсе не в прекрасное далёко, — Рита дышала часто и громко. — Там не чудесные края. И оно так жестоко! — последние слова она почти выкрикнула, а затем повисла у него на шее.

Руки сами собой обвили стройную талию, а губы встретились в поцелуе. Рита целовала его горячо и отчаянно, проводила горячими вспотевшими ладонями по лицу и волосам, шептала:

— Женя, Женечка, Женя, дорогой мой, Женя, давай я останусь? Женя, я брошу всё и останусь! С тобой останусь!

— Пожалуйста, Рита, — Женя чувствовал, как солёные слёзы жгут глаза, но сдерживался. Он не хотел, чтобы Рита видела его таким: разбитым и несчастным. — Пожалуйста, девочка моя. — Он мягко взял в ладони её лицо и осторожно вытер большими пальцами капельки слёз. — Не плачь из-за меня, я этого совершенно не стою.

— А это уж моё дело: о ком плакать, — Рита улыбнулась сквозь слёзы. — Я позвоню тебе, Женя. — Она поднялась на цыпочки и поцеловала его напоследок: быстро и солёно, а затем почти бегом направилась к пускавшему зловонный дым «ЛиАЗу».

Глава 11. Гамаюн

Клубы пыли, поднятые автобусом, увёзшим студентов, осели на отсыпанной гравием дороге, заметённой прибрежным песком. Вокруг пахло солью, пылью и бензином, нотки которого растворялись с каждым мгновением.

Женя так и не сел в машину, продолжая стоять спиной к дороге, по которой уехала в аэропорт Рита. Горло жгло раскалённым полуденным воздухом, а мельчайшие песчинки норовили забиться в глаза, горевшие огнём. Сердце билось ровно, он даже удивился этому, но холодный ком гнезвился в груди маленьким Чужим, который всё рос и грозил вскоре заполнить собой всю ту пустоту, что оставила после себя Рита.

Женя устало прикрыл глаза, упёрся руками в крышу машины и склонил голову. Волосы упали на лоб, но сейчас ему было всё равно. Он чувствовал, что фарфоровая маска, которую он носил сам и сумел разбить у Риты, дала трещину, покрывшись тонкой сеткой разломов.

Хотелось кричать. Женя до судороги в пальцах сжал горячую крышу «Жигулей». В голове шумело, и мысли — непривычные, странные — рвались наружу.

— Рита Громова, — негромко произнёс он её имя, словно пробуя на вкус. — Гори ты синим пламенем!

Она ведь сгорела. В его глазах. Что она там про них говорила? Что они похожи на расплавленные адским пламенем сапфиры? Или на перья райской птицы, несущей смерть — Гамаюна?

— Сирина недоделанная.

А сердце рвалось на части.

Ему не семнадцать лет, чтобы страдать по рыжей, как ведьма, девчонке, имя которой и было именем ведьмы из романа Булгакова. Спирт она пила, жёлтые цветы сразу выкинула, когда он сказал, что они воняют. А розы ей нравились. Женя вспомнил, как залез в палисадник в деревне и сорвал с куста россыпь светло-алых мелких роз.

— Я ведь люблю тебя, дура.

Ударив кулаком по нагретой крыше «Жигулей», Женя побежал на пирс. Он не знал, что им руководило. Хотелось просто двигаться, делать что-то, но не оставаться наедине со своими мыслями, разъедавшими душу подобно кислоте.

Жене казалось, что ему на мозг капает слюна ксеноморфа.

Синее море пахло солью и водорослями, а вода манила. Женя решил, что неплохо было бы искупаться: прыгнуть рыбкой в воду.

«Башкой об камни». — Сразу за пирсом под водой вдоль всей линии берега скрывались большие скользкие каменные блоки. Своеобразное средство от дураков, которым не терпелось примерить на себя роль великих пловцов.

Солёный ветер дул с моря, но в это мгновение лёгкий порыв, гнавший песок и пыль с берега, донёс до Жени сладковатый запах медоносных цветов.

«Пожалуй, вечером я нажрусь», — эта мысль странным образом согрела и приподняла настроение, хотя в обычном состоянии Женя ни за что бы так не поступил.

Эйфория на грани с истерикой охватила его, заряжая безудержным весельем, пока Женя широким шагом направлялся к белёному дому в конце улицы.

— Ку-узми-ич! — прокричал он, глядя в распахнутые резные окна, за которыми виднелись просторная кухня и сидевший за столом пасечник. — Ты что-то говорил про

медовуху?

— Твоя Ритка уехала, — понимающе произнёс Кузьмич, доставая откуда-то из воздуха бутылку с медовухой, когда Женя уже зашёл в дом и сидел на прохладной кухне за накрытым скатертью столом. — На душе тоска. Хочешь поговорить?

— Да что-то пиздец, как грустненько, — вяло ответил Женя, глядя на то, как гранёный стакан наполняется светло-коричневой жидкостью. Стоявшая рядом нехитрая закуска и бесполезный сейчас пузатый самовар не вдохновляли совершенно.

— Пей до дна, — ухмыльнулся Кузьмич. — У меня есть ещё.

Женя с сомнением покосился на полный стакан медовухи, а затем, от души выругавшись, осушил его. Сладковатая жидкость пролилась в желудок быстро и легко, не оставив неприятного послевкусия, лишь желание выпить ещё. Утопиться, словно в море, в медовом хмелю.

Кузьмич, улыбаясь, наливал ещё, рассказывал истории про молодость, про войну, про всё на свете. Женя слушал его, окунаясь в атмосферу мира, который навсегда для него исчез. Если раньше он думал, что сохранил в себе осколки прошлого, то теперь был уверен, что окончательно перешёл в новый мир: Рита Громова не оставила ему никаких шансов.

День неумолимо близился к вечеру, и в сумерках Женя с удивлением обнаружил, что он, сидя напротив изрядно захмелевшего Кузьмича, поёт дуэтом песню про коня:

— Аль брусничный цвет, алый да рассвет, али есть то место, али его нет.

Выходило отвратительно, пьяный голос хрипел и срывался, половина слов отсутствовала вовсе или же строчки обрывались на середине. В затуманенном сознании мелькнула мысль, что Рита бы за такое пение надавала кулаками по морде и выставила вон. Перед глазами Жени встала Рита как живая. Она усмехалась и протягивала стакан спирта, а за её спиной летела в небо птица с головой женщины.

«До чёртиков допился, — подумал Женя, проваливаясь в забытие под вой Кузьмича, затаившего что-то другое. — Здравствуйте».

Он проснулся на мягкой продавленной кровати в доме пасечника. Сам Кузьмич храпел на лавке возле печки, а его тучная жена гремела посудой на кухне. Женя вспомнил, что ночью, кажется, помогал Настасье Филипповне уложить пьяного вусмерть мужа.

В голове как будто били куранты, а мерзкий привкус, заполнявший рот, не давал даже проблеваться. Женя, выйдя на крыльцо, закашлялся и сплюнул на землю вязкую слюну, которая обожгла губы.

— Почему я не сдох вчера, пока был трезвый? — пробормотал Женя, присаживаясь на ступеньки и обхватывая раскальвающуюся голову руками.

Так он не пил уже давно. Полевые сезоны в разнообразных условиях научили Женю разбираться в выборе компании и алкогольных напитков. Беспросветно пьянствовать было участью покладистого Генриха, развязывавшегося всякий раз, стоило поманить его запахом этанола.

Восходящее солнце начинало припекать, пить хотелось неимоверно, а до палаточного городка надо было ещё дойти. Женя встал, отряхнул брюки и, попрощавшись с Настасьей Филипповной, отправился в путь.

— Блудный сын вернулся! — лучезарно улыбнулся Жене Сергей Сергеевич, протягивая помятому начальнику стакан воды. Руки у Жени не тряслись, поэтому осушил он его мгновенно и практически залпом. — Ты где был?

— У Кузьмича, — буркнул Женя, опускаясь на раскладушку. — Я с возвращения из

армии так не бухал.

— Ты же воевал? — откуда-то сбоку вылез серый от недосыпа Генрих. — На Востоке, да? И вообще, с чего вдруг ты решил нарушить свой сухой закон?

— Отстань, — Женя, прикрыв глаза, прислушивался к себе. Блевать, вроде, не хотелось. — Ты пил четыре недели, не просыхая, так что заткни свою корову и не мычи.

— Да ладно тебе, Евгений Николаевич, — миролюбиво протянул Сергей Сергеевич. — Поправляйся и пошли на раскоп: Генрих вчера начал оконтуривать тазовые кости мамонта.

«Везде жопа, — устало подумал Женя. Он пообещал Сергею Сергеевичу отправиться на раскоп после обеда: солнце было уже в зените и нещадно пекло. — Даже на раскопе. — Он перевернулся на бок и из нагрудного кармана выпала фотография. — Просрал, — подумал он, глядя на карточку. — Всё просрал».

И, не в силах больше сдерживаться, Женя, убедившись, что рядом никого нет, залился злыми похмельными слезами. На душе у него было как никогда грустно, словно Гамаюн затянул свою тоскливую песнь.

Глава 12 Фотография

Наши дни

Вечером в пятницу работать совершенно не хотелось.

Женя потёр глаза, уставшие от восьмичасового сидения за монитором компьютера. Близились Северная конференция, где ему кровь из носу необходимо было предоставить тезисы статей по всему тому материалу, что он наработал за последний полевой сезон.

Взятый монолит стоял в лаборатории над душой, а аспирант Антон, который расчищал его с самого августа, безбожно пропал на целый день. Женя не мог всё бросить и начать расчищать монолит в одиночку: тогда бы застопорилось написание статей. Вызвонить аспиранта не было никакой возможности: тот постоянно переводил смартфон в беззвучный режим.

«Заразная всё-таки эта штука — смартфоны, — подумал Женя, листая новостную ленту соц. сети с новенького айфона, который купил себе на день рождения. — Я его отберу у Антона и сломаю. А лучше — продам».

Словно в ответ на его мысли, дверь кабинета открылась, и в проёме показался пропавший аспирант: долговязый, в наушниках и довольный.

«Проебался и радуется», — подумал Женя, неодобрительно глядя на аспиранта. А вслух спросил:

— Ты где был?

— А? — Антон спустил наушники на шею. — Вы что-то спросили, Евгений Николаевич? — что-то в его облике не понравилось Жене, и пару мгновений спустя он понял, что: аспирант напрочь пропах сигаретным дымом.

— Если ты начал курить, то мигрируй под вытяжку, — поморщился Женя. Он оттолкнулся ногой от пола, проехал на стуле до окна и распахнул створку, впуская в кабинет смесь ароматов улицы: свежей выпечки из пекарни на углу, выхлопных газов проезжающих мимо машин и едва уловимого запаха осенней листвы.

«Да, это не поле, — подумал Женя, глядя в окно на красно-жёлтые клёны. — Это гораздо хуже». — Он уже успел пропитаться цивилизацией после полевого сезона и соскучился по воле, где не было отчётов и начальства.

— Я не начал курить, — возразил Антон, пристраивая на вешалке свою кожаную куртку-косуху. — Я был в Институте у своей университетской научницы. Она хочет прийти на мою защиту весной, — и, помрачнев, добавил: — Мне конец.

— Почему тебе конец? — Женя продолжал смотреть в окно, рассеянно слушая аспиранта. В груди, где-то в области сердца, покалывало и тянуло, но эти странные чувства не имели никакого отношения к физиологии. Определённо, ему хотелось на волю. Как будто он что-то забыл там, в выжженных злым солнцем полях. — Сказать, что твоя диссертация — кал, могу только я.

— Она меня проглотит и даже не подавится, — усмехнулся Антон, надел рабочий халат и, собрав длинные волосы в небрежный хвост, подступился к монолиту. — Хотя сама по себе она классная тётка.

— Кто она вообще такая? — Жене было, в общем-то, плевать на научницу Антона, но зачем-то он всё же спросил. За окном мимо него пролетели голуби.

— Маргарита Алексеевна Громова, — ответил Антон, доставая из кармана смартфон.

— А-а, Маргарита Громова, — небрежно протянул Женя. Миг, и его как будто ударило током. — А! Маргарита Громова?! — он подпрыгнул и, едва не упав со стула, подскочил к удивлённому такой реакцией научного руководителя Антону. — Она есть в соц. сетях? Покажи мне её фотографию! Тебе телефон на что?!

— Да ладно-ладно, — примирительно произнёс Антон, с опаской косясь на Женю, нависшего над ним коршуном. Скорее, Гамаюном. — Успокойтесь, Евгений Николаевич. — Он быстро застучал пальцем по сенсорному экрану. — Вот она, — аспирант протянул смартфон, который тут же оказался в цепких пальцах Жени.

Жене казалось, что от осознания происходящего и стука сердца он сейчас сойдёт с ума. Открытое окно манило, хотелось взлететь в осеннее небо подобно голубям.

С покрытого сеточкой трещин экрана смартфона на него смотрела Рита Громова.

Чёрно-белая, как сейчас, кажется, было модно, фотография запечатлела Риту. Нет, мысленно поправил себя Женя, Маргариту Алексеевну. Потому что со снимка на него смотрела не юная девочка из аниме, а взрослая женщина.

Кажется, она во всём была частью каждого времени, в котором жила. Фотографию, видимо, делала она сама, потому что в руках Маргарита держала фотоаппарат, а едва заметные на двуцветном фоне блики говорили о том, что это — отражение в зеркале.

Женя провёл пальцами по экрану, увеличивая изображение.

— Она, — едва слышно за гулом крови в ушах прошептал Женя. — Бог свидетель, что она.

Короткие волосы едва заметно вились, а глаза даже в чёрно-белом варианте горели тёмным пламенем. Вот только лицо как будто похудело.

— Евгений Николаевич, — осторожно произнёс Антон, вытягивая шею и заглядывая в свой смартфон, — что с вами?

— Всё нормально, — отрывисто произнёс Женя. — Доделай тут всё сам, — он махнул рукой в сторону монолита. — Я пойду домой и прилягу.

— Понял, отстал, — усмехнулся Антон, на всякий случай переходя на другую сторону монолита. Женя хоть и научился контролировать себя, но вспыхивал, как в молодости, от каждой искры.

Пустая квартира встретила Женю дизайнерскими обоями и давящей на уши тишиной. С женой он развёлся лет десять назад, да и прожили они вместе всего ничего, так что отпечаток женской руки квартира не сохранила. Минимум самой необходимой мебели и идеальная чистота: всего этого Жене для жизни вполне хватало.

Оказавшись дома, Женя захлопнул тяжёлую металлическую дверь и устало прилонился к ней спиной, чувствуя рельеф резьбы.

Такого поворота событий, странного откровения жизни он не ожидал и оказался совершенно выбит из колеи. Мысли беспорядочно скакали в голове, а воспоминания буквально ломались из памяти.

Женя провёл рукой по лицу, отбрасывая назад пряди светлых волос, успевших поседеть на висках. Ему вдруг отчаянно захотелось посмотреться в зеркало. Не просто глянуть мимоходом, собираясь на работу или бреясь, а именно увидеть то, какой он есть сейчас.

Холодный электрический свет залил просторную ванную комнату, и Женя уставился в зеркало, пристально разглядывая собственное отражение. То, что он там увидел, неожиданно ему понравилось: он ожидал чего-то много хуже.

— Стар ты стал, Евгений Николаевич, — пробормотал он, разглядывая морщинки в

уголках глаз и вокруг рта. Нос был чуток кривоват — Женя отчётливо вспомнил, как Рита заехала ему кулаком в лицо, когда он неосмотрительно полез к ней целоваться. А вот горизонтальные морщины на лбу ему не понравились, да и яркие синие глаза смотрелись несколько чужеродно на лице не такого молодого уже человека. У него месяц как прошёл день рождения, и теперь ему пятьдесят семь. В паспорт он давно не заглядывал, свечей на торте у него не было никогда, а женщины не спрашивали, да и, странное дело, покупались на возраст. — Ну и что мне делать с такими вводными? — спросил он у зеркала. — Хорошо хоть волосы и зубы не выпали. — Женя на всякий случай провёл рукой по густым волосам и удостоверился, что они не поредели.

Он вдруг понял, что ни на секунду не усомнился, что Громова Антона — это его Маргарита. Будто он всегда это знал, но не хотел видеть очевидного.

Маргарита всегда была рядом — руку протяни. Так близко и в то же время невыразимо далеко. Ему всего лишь нужно поехать в культурную столицу, зайти в геологический Институт и сказать... что?

«Здравствуйте, я ваш давний любовник. Помните, мы были вместе на практике лет двадцать назад, вы тогда ещё учились, — сама эта мысль показалась Жене абсурдной. С чем бы он пошёл к Маргарите? — Она, наверное, ещё и замужем».

Это предположение почему-то разозлило Женю. Его Рита не могла выйти замуж. Она должна была его дожидаться.

«С хера ли? — вдруг подумал он. — Ты-то её не особо ждал».

Ему стало стыдно. Теперь ему казалось, что тогда, двадцать лет назад, он наобещал Маргарите с три короба и позорно сбежал после.

«А вдруг она тогда забеременела? — дурацкие мысли лезли в голову. — И была одна с ребёнком? Или сделала аборт и не может больше иметь детей? А? А? — практичное и не слишком богатое обычно воображение подкидывало сюрреалистические картинки. — Глупости, я был предельно аккуратен». Женя напомнил себе приятеля, который чуть что превращал любое событие в трагедию и хлестал горе стаканами.

Решив не быть таким нытиком, как Вадик, Женя вытащил телефон и уже сам нашёл Маргариту в соц. сети. Глядя на её фотографию по ту сторону экрана, он с сожалением подумал о том, что в эпоху цифровых технологий печатных снимков почти не осталось. А ведь так приятно подержать в руках пахнущую свежестью и химией фотокарточку.

Фотокарточка!..

— Где альбом? — прокричал Женя в пустоту гостиной, лихорадочно роясь в шкафу. — Почему я каждый раз ищу свой... а, вот мой альбом! — из кучи неизвестного барахла наконец появился тяжёлый коричневый альбом. — Ты посмотри, какую дрянь тут храним! — следом за альбомом на пол высыпалась куча непонятных тряпок, оставшихся непонятно от кого, и целый пакет медицинских банок.

Крепко, словно святыню, Женя прижал к себе альбом и опустился с ним на диван. Первые страницы занимали его детские фотографии, которые он видел тысячу раз, поэтому начал листать дальше. Школа, армия, университет, аспирантура... Вот она, практика в приморских степях! Женя с удивлением извлекал из памяти лица Сергея Сергеевича, перекинувшегося в археологию, пьянчуги Генриха, который закодировался и с головой ушёл в бумажную работу, аспиранта Димы, так и не получившего степень кандидата и похоронившего жену буквально на следующий год после тех раскопок.

Женя разгребал фотографии, злясь всё сильнее на самого себя, что не додумался

отложить фотографию с Маргаритой отдельно. Кажется, она так и лежала когда-то, но бывшая жена, перетряхая шкаф, обнаружила это фото и закатила истерику, засунув карточку куда-то подальше.

«Если она её выкинула, — подумал Женя. — Я пойду и сигану с балкона».

В следующую секунду из кучи фотографий выпал снимок, сделанный «Полароидом».

Женя почувствовал, что проваливается в прошлое и для этого ему не нужен никакой Делориан¹. С фотографии на него смотрела Маргарита. Юная, восемнадцатилетняя, по-девичьи округлая, с фиалками в рыжих волосах. Она улыбалась, прижимаясь к нему так доверчиво, словно он был самым умным и добрым на свете.

«Какой же я идиот, — Женя почти схватился за голову. — Я ведь обещал ей, что приеду... А она мне — что позвонит. Вот тебе и командировочный роман». Он устало откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Перед внутренним взором мелькали калейдоскопом картинки прошлого. Они пролетали стремительно, но с каждым новым витком формировали образ, который вырисовывался в памяти всё чётче и чётче.

Маргарита Алексеевна Громова.

Женя рассеянно прикоснулся к носу, который она разбила ему на той практике. Не сломала: тогда он преувеличил нанесённый ущерб. Ему была приятна забота Маргариты, то, как после поцелуя в сумерках она смывала с его лица кровь, невесомо прикасаясь к коже мокрым полотенцем, на котором оставались алые разводы. Она даже наскребла льда из старого портативного холодильника для компресса, а из остатков сделала коктейль: ей удалось каким-то чудом добыть лимон.

— Где ты взяла лимон? — Женя настороженно принял из рук Риты охлаждённый в ведре с водой гранёный стакан, в котором плавали кусочки льда, дольки лимона и листья мяты. — Украла, поди? — он сделал маленький глоток, и вкус ему неожиданно понравился. — Зубодробительная дрянь!

— Там же, где и козий сыр, — запальчиво возразила Рита, сидевшая напротив него по-турецки. — Купила в деревне.

Этот короткий эпизод, вспыхнувший в памяти, прошёлся по сердцу. Жене показалось, что в душу ему выдавили лимон. И сделал это он сам. Потому что тогда, двадцать лет назад, он, так и не дождавшись звонка, решил, что и сам не пойдёт к Маргарите. Лето закончилось, а Женя привык жить одним моментом да и вообще плохо сходился с людьми.

«Лашенко, — подумал он. — Ты — птица гордая, пока не пнут, не полетишь».

Рита написала адрес на обороте, вдруг отчётливо вспомнил Женя. Он быстро перевернул и едва не выронил карточку: пальцы внезапно стали непослушными. Так и есть: написала.

— Найду, — произнёс Женя, глядя на адрес на обороте фотографии. — Я тебя обязательно найду.

Глава 13. Розы

Наши дни

В эту ночь Женя не спал. Он лежал на диване, ходил по квартире, смотрел с балкона на раскинувшийся внизу город и думал. Думал о Маргарите. Теперь, получив шанс увидеться с ней, он решил, что уже его не упустит. И в гости пойдёт не с пустыми руками. Ему вспомнились розы: мелкие, полудикие, красные — они походили на Маргариту, какой она была тогда — в далёких девяностых. Сейчас она стала другой, и подарок ей надо подарить соответствующий теперешней Громовой.

В свете уличных фонарей Женя, набросив куртку, помчался, как был — в домашних тапках — в ближайший цветочный магазин. Им овладело безудержное оживление, совсем как тогда, когда бело-голубой автобус скрылся за горизонтом, увозя от Мастера его Маргариту.

Он трудился всю ночь, а наутро, едва рассвело, поехал на работу. Ему не терпелось поделиться случившимся хоть с кем-то, а Антон, принёсший благую весть, отлично для этого подходил.

— У вас мешки под глазами, — доверительно сообщил аспирант, глядя на Женю. — Вы вообще спали?

— Нет, — он улыбнулся, чувствуя, что выглядит сейчас несколько безумно. — Я всю ночь красил розы.

— Как Алиса в Стране Чудес? — участливо поинтересовался Антон.

— Нет, — покачал головой Женя. От выпитого за ночь кофе сердце стучало гулко и часто. — Через корни, — он указал рукой на нежно-голубые розы, совсем недавно бывшие белыми.

— Что с вами вчера случилось? — Антон отложил смартфон. На вытянутом лице аспиранта играло плохо скрываемое любопытство. — Что такого в Маргарите Алексеевне?

— Лет двадцать назад у нас были отношения, — не стал скрывать Женя. — Я как раз копал степного мамонта в приморье, а она приехала туда на полевую практику. Это были сложные времена, — он улыбнулся. — Потом мы обещали друг другу встретиться, но как-то не вышло.

— Теряют люди друг друга, а потом не найдут никогда, — пробормотал Антон, а потом, наморщив лоб, добавил: — Вы что, собираетесь играть её чувствами, чтобы она не завалила меня на защите? — аспирант отлично складывал два плюс два, но в итоге у него не всегда получалось четыре.

— Хуже, — весело ответил Женя, любясь делом рук своих: равномерно окрашенными лепестками роз. — Я, возможно, собираюсь на ней жениться, — он сказал это, не подумав, но слова уже не вернуть назад.

— Зачем? — удивлению Антона не было предела. — Вы же уже были женаты и как-то говорили мне, что больше в этот филиал ада на земле не зайдёте.

— Я слишком долго искал её, — Жене казалось, что он потратил на поиски тысячу лет, охотился на Маргариту со времён мамонтов. — И много думал в последнее время. Ты же тоже томишься в городе и хочешь на волю в пампасы?

Аспирант кивнул:

— Это я понимаю, но как коррелируются Маргарита Алексеевна и желание свободы?

По мне, так они совершенно противоположны, — Антон был неумолим и туго соображал.

— Ты ничего так и не понял, — махнул рукой Женя. — Я думал о ней. Много. А потом забыл. И вот сейчас вспомнил. Больше я её не отпущу.

— А она захочет быть с вами? — задал очевидный вопрос Антон, но Женя не хотел думать о провале. Не сейчас, когда он так близок к успеху.

— Поживём — увидим, — бросил он, заворачивая выстрадавшие розы в плотную бумагу, которую ему выдали в цветочном магазине. — Всё, я поехал. Вернусь поздно. Или вообще приду на работу только в понедельник. Прикрой меня, — и, не успев ошарашенный таким известием Антон открыть рот для ответа, Женя вышел из кабинета, захлопнув за собой дверь.

Культурная столица встретила его серым небом и пробирающим до костей ветром. Набрякшие облака плыли по хмурому небу, и Женя успел несколько раз обрадоваться, что взял с собой зонт. Роза и торт лежали в пакете.

Нужный дом он нашёл быстро: пятиэтажная сталинка в старой части города всем своим видом давала понять, что она массивная и вечная. Поднимаясь по ступенькам длинных лестниц, он заметил приоткрытое окно и полную окурков банку, стоявшую на подоконнике. Интересно, какие сигареты курит сейчас Маргарита?

Квартира номер «85» — от лестницы налево. Предпоследний этаж. До Бога ещё целый лестничный пролёт.

«Если она здесь больше не живёт, я спокойно пойду и повешусь», — дурацкая мысль, но Женя чувствовал, что не в силах больше терпеть напряжение, в котором пребывал с того момента, как Антон произнёс три заветных слова. И, собравшись с духом, он позвонил в дверь. Трескучий, бьющий по мозгам крик попугая разнёсся по всей лестничной площадке. Жене заложило уши.

«Выбирало звонок явно существо с воображением дятла», — цитата Ильфа и Петрова¹ пришлась как раз кстати. Женя почти оглох от бешеных ударов сердца, хотевшего, видимо, выпрыгнуть из груди и ускакать вниз по лестнице, чтобы не разочаровываться. Он почти перестал дышать, как вдруг послышался щелчок поворачиваемого «барашка».

— Косметику не покупаем, в Бога не верим, — донёсся из-за массивной двери голос, от звуков которого Женя почувствовал себя влюблённым подростком. Ведь он действительно влюблён. Металлическая дверь распахнулась, и взгляду открылся длинный коридор просторной квартиры с высокими потолками. А в дверном проёме стояла она. — Боги мои! — Маргарита, тонко вскрикнув, метнулась обратно в квартиру, но сил ей хватило лишь на то, чтобы прислониться к двери.

Она стояла перед ним, рыжая и загорелая после полевого лета, из плоти и крови. Повзрослевшая, утратившая девичью пухлость и мягкость черт, но, несомненно, всё та же Рита. На полу валялся выпавший из её ослабевшей руки айфон.

Глава 14. Сигареты

«Сколько ей сейчас? — промелькнула молнией мысль. — Лет сорок, наверное...»

— Женя... — она тяжело дышала, ухватившись миниатюрной рукой, белой от постоянного ношения рабочих перчаток, за дверной косяк. — Как ты нашёл меня?

— Кто ищет, тот что? Тот всегда найдёт, — усмехнулся Женя, подавая Рите тонкую синюю розу в прозрачной упаковке. — Всю ночь красил. — Он старался сохранить лицо, но фарфор трещал уже вовсю.

А Рита, кажется, даже не успела надеть свою маску. Она совсем не изменилась за двадцать прошедших лет. Всё такая же Сирин.

Фарфоровой куклой, соскользнувшей с полки, Маргарита упала ему в руки. Женя бережно подхватил её и, когда она подняла на него взгляд всё таких же, как и двадцать лет назад, карих глаз, поцеловал.

Она дрожала в его руках, а её губы касались его губ то почти невесомо, словно крылья бабочки, то впивались так, как будто от этого зависела её жизнь. Вероятно, так и было.

— Рита, кто там пришёл? — высокий женский голос безжалостно разорвал очарование момента. Маргарита замерла в объятиях, а затем выскользнула и сунулась в квартиру.

— Свидетели Иеговы! — прокричала она, быстро вытаскивая из кармана висевшей в гардеробе куртки пачку сигарет и зажигалку. — Я с ними поговорю о Господе нашем. — И, прикрыв дверь, зашагала вниз по лестнице. — Я курить хочу, — пояснила Рита, оборачиваясь и глядя на Женю с нижней ступеньки. — Нервы. Сейчас рубашку на себе рвать начну. — Она продолжила спускаться, хлопая домашними тапочками в виде туфель с помпонами.

— Стыдно меня матери показать? — выдал первое, что пришло ему в голову, Женя, спускаясь следом за Ритой. — Мы же с ней почти одного возраста.

— Кажется, она старше тебя на год, — меланхолично ответила Рита, останавливаясь возле того самого подоконника с банкой.

— Подсадить тебя? — Женя сомневался, что она сама заберётся на высокий подоконник.

Вместо ответа Рита обернулась и больно наступила ему на ногу.

— Ты где был? — она посмотрела на него широко распахнутыми глазами. — А, Евгений Николаевич?

— Могу спросить то же самое у тебя, Маргарита Алексеевна, — сварливо откликнулся Женя. — И вообще, — он прищурился, — почему ты не удивлена моим приходом?

— Потому что разбирала старые фотографии и нашла вот это, — Рита запустила руку в карман джинсов и вытащила оттуда снимок, сделанный «Полароидом».

У Жени даже закружилась голова. Этот была та самая копия снимка, лежавшего у него в нагрудном кармане рубашки. Возле сердца. Он молча сунул руку за отворот пиджака и протянул фотографию Рите, замершей с розой, сигаретами и карточкой.

— Я тоже её нашёл, — голос охрип и не повиновался. — Что это, Рита? — ему важно было знать. Он не верил в судьбу, не верил в мистику, но всё же...

— А почему Сирин? — вопросом на вопрос ответила Рита. На её губах блуждала лёгкая улыбка. Тонкие полукруглые морщинки в уголках рта притягивали взгляд.

— А я хотел спросить, почему Гамаюн? — Женя чувствовал, что успокаивается. Словно

не было этих двадцати лет: они по-прежнему понимали друг друга с полуслова. И всё же что-то изменилось. Нельзя было просто так сойтись вновь после долгой разлуки. — Кто придумал?

— Я, — просто ответила Рита. — Ты разве не догадался?

— Я подозревал, — это было правдой. Спросить тогда он почему-то не решился.

— Могу тебя успокоить, — улыбнулась Рита. — Меня вообще называли Ритка-Два-Стакана, — она запустила пальцы в волосы, и Женя заметил, что её руки слегка подрагивают.

— Тремор от нервов — отчёты, — пояснила Маргарита, заметив его взгляд. — Давно уже так: лет пять, а то и больше: с самой защиты. Ты сам-то по какой теме докторскую диссертацию защищал?

— Всё те же мамонты, — Жене не хотелось говорить о себе. Он хотел знать всё о ней. — А ты?

— Всё те же камни, — в тон ему ответила Рита. — Я же геолог, я люблю камни.

— Я в тебя верил, — Женя не врал, он не сомневался, что она своего добьётся.

— Врёшь. Ты думал, что я сопьюсь и пойду по дорогам. — Рита провела ладонью по подоконнику и, подтянувшись, запрыгнула на него. Болтая ногами, она закурила «Marlboro». Женя брезгливо отмахнулся от клубов внезапно не вонючего дыма. Эти сигареты были не чета «Приме».

— Всё ещё куришь, — усмехнулся он, облакачиваясь о стену и глядя на Маргариту сбоку. — А пьёшь всё в тех же количествах?

— Что ты! — махнула рукой Рита. — Употреблять в таких количествах никакого здоровья не хватит. Я уже не девочка твоими стараниями. Мне сорок лет всё же.

— Не умерла ещё? — Женя помнил, как Рита говорила, что ему почти сорок — умирать пора.

— Как видишь.

Повисло неловкое молчание. Рита курила, а Женя мысленно перебирал подходящие темы для разговора. Они не виделись много лет, а вели себя, как старые знакомые, расставшиеся вчера за кружкой кофе с коньяком.

— Я посмотрел новые сезоны «Секретных материалов», — наконец произнёс Женя. — Мне понравилось. Я говорил тебе, что ты похожа на Скалли? — Маргарита и правда выглядела, как Андерсон, словно шла с ней вровень по времени.

— Я не Скалли, — улыбнулась Рита. — Ты — Скалли, а я — Малдер.

— Почему это? — Женя, вновь, как и двадцать лет назад, улыбался, как дурак. Метафорические беседы с Маргаритой выбивали из колеи реальности, но не слушать он просто не мог.

— Потому что я хочу верить, — усмехнулась Рита, затягиваясь и выпуская дым в приоткрытое окно. — А ты, — она ткнула ему в грудь подрагивающим пальцем, — твердолобый материалист. Да, и уши у тебя по-прежнему холодные. Почему ты не приехал ко мне раньше?

Глава 15. Пикап

— А почему ты не позвонила? Ты ведь первая стала клясться в вечной любви.

— Я испугалась, — сигарета дымилась в пальцах Риты, пепел нагорал, но она не спешила его стряхивать. — Один мой знакомый как-то сказал: всё, что было в поле, остаётся в поле. И он сказал правду. — Она смотрела в одну точку и, казалось, даже не моргала. — В первые моменты расставания всегда больно, а потом образ человека в воспоминаниях идеализируется и становится просто страшно встретить оригинал, потому что знаешь, что он далёк от того, что ты нарисовал в своей голове. Как в песне про зомби: in your head, — последние слова она пропела на английском, и Женя почувствовал, как на секунду растворился в её музыкальном голосе.

— Господи, Рита, кто ж такую глупость-то придумал? — Жене не хотелось признавать её очевидную правоту. Ведь он сам так думал. — Уж не Вадим ли Ильинский тебе это наплёл? Сама бы ты не догадалась.

— Вадик знает об отношениях с молодыми девушками побольше твоего, — парировала Рита. — Он живёт с девушкой на тридцать с лишним лет моложе. Собирается жениться. Помнишь Диму Лазарева?

— Я с ним почти работаю, — огрызнулся Женя. — А что?

— Вадик живёт с его дочкой.

— С дочкой Димы Лазарева? — Женя во все глаза смотрел на Риту. — С красавицей? — он видел дочку Димы несколько раз: приятная темноволосая девушка. — Он же урод!

— Ему не говори только, — усмехнулась Рита.

— Ага, — Женя уже представил, как будет подкалывать Вадика при встрече. — Ты же вроде не любила сплетни, а?

— Времена меняются. — Рита бросила окурок в банку и легко спрыгнула с подоконника. — Я видела у тебя в пакете торт. Моя мама обрадуется: она любит сладкое.

Подтянутая, крашеная в рыжий женщина лет шестидесяти — мать Риты — была ещё меньше, чем дочь. Женя с удивлением смотрел на миниатюрных созданий, на секунду показавшихся ему эльфийками.

— Мама, это Евгений, мы вместе работаем, — скороговоркой произнесла Рита, просачиваясь с тортом на кухню.

— Приятно познакомиться. Светлана, мама Маргариты, — Светлана улыбнулась так по-ритиному, что Женя улыбнулся в ответ и рассыпался в любезностях: говорить приятные вещи красивым женщинам он умел.

Они посидели и поели втроём торт. Женя вошёл в роль дорогого гостя и после цветистых приветствий всё больше молчал, позволяя Светлане хлопотать вокруг него. Когда часы красноречиво начали указывать на то, что он может опоздать на последний рейс, Женя тактично засобиравшись домой. В глубине души он, конечно, надеялся, что Рита пригласит его переночевать, но в то же время понимал, что это глупо. Они не виделись двадцать лет. Вдруг она вообще замужем? Он не заметил на её пальце кольца, но это само по себе ещё ни о чём не говорило.

Маргарита отправилась разогревать машину, а Женя тактично предложил Светлане вынести мусор. Она немного поотнекивалась, но всё же согласилась, и он, поискав мусорный контейнер, отправился ждать Маргариту.

К вечеру распогодилось, и косые лучи заходящего солнца играли в лужах и мокрых листьях клёнов. Женя несколько выпал из реальности, подставляя лицо солнцу и продолжая шагать по двору. Пару секунд спустя он понял, что за ним по узкой дорожке крадётся Фиат Пикап. Он притормозил и дождался, пока машина его немного обгонит.

— Молодой человек, — Рита опустила стекло дверцы и сдвинула на нос круглые солнцезащитные очки, — подвезти вас? — на её алых губах играла едва заметная улыбка. — А то вечером ходить по городу опасно: маньяк может напасть.

— Откуда мне знать, вдруг ты тоже маньячка? — Женя старался сохранить спокойное выражение лица. Ему нравилась эта игра, нравилась удалая весёлость Маргариты, не покинувшая её после стольких лет.

— Пока не сядете, не узнаете, — она призывно похлопала по сиденью рядом с собой. — Ну же, Евгений Николаевич! Я не увезу тебя в глушь.

— А так хотелось, — усмехнулся Женя и сел в машину.

До аэропорта они ехали молча, слушая «Синюю птицу» Машины Времени, да и пока он покупал билет, тоже. Женя беззастенчиво пялился на Маргариту, а она рассматривала сувениры в ближайшем ларьке. Поверх широкой вязаной кофты она накинула пуховую жилетку, а тапочки сменила на кроссовки. На улице было прохладно, в зале ожидания работал кондиционер, но Маргарита, кажется, совершенно не мёрзла, а сама излучала обжигающе-горячее тепло: её отросшие волосы прямо дышали огнём.

— Твой муж не будет против, что я подарил тебе розу? — спросил Женя. Больше молчать он не мог.

— Чей муж? — усмехнулась Рита. — Я — одинокая женщина-трудоголик. У меня даже кошки нет.

— Я бы хотел продолжить наши отношения, — без обиняков произнёс Женя. — Если хочешь, конечно.

— Даже не знаю, что и думать, — медленно, словно подбирая слова, проговорила Рита. — Много воды с тех пор утекло, — она улыбнулась, и сердце Жени подпрыгнуло. — Но. Но. Я хочу этого.

Женя прикрыл глаза и молча притянул к себе Маргариту, обхватив её за плечи. Он порывисто поцеловал её рыжие волосы, пахнувшие теперь каким-то дорогим шампунем. Рыжие люди счастливые: их поцеловал огонь — так, кажется, говорили в сериале «Игра Престолов».

— Образ Гамаюна трактуется по-разному, — тихо произнесла Рита. Она стояла, прижавшись к нему и обвив руками спину. — Смерть и счастье. На раскопе я трактовала тебя как смерть. Теперь уже нет. Селфи на прощание? — она вытащила из кармана жилетки айфон.

— Ты ещё губы уточкой сделай, — поддел её Женя, глядя в объектив фронтальной камеры.

Маргарита засмеялась, словно перезвон колокольчиков, и он, как двадцать лет назад, почувствовал, как улетают в страхе призраки и прочая потусторонняя погань. Если бы сейчас ещё и спела напоследок, то он был бы совсем счастлив.

«Много хочешь, Лащенко, — подумал Женя, отправляясь на регистрацию. — Ты и так превысил все существующие лимиты удачи».

Они обменялись номерами телефонов, и Женя ждал момента, когда окажется дома и позвонит Маргарите, скажет, что вернулся домой. Теперь точно позвонит.

Глава 16. Гранат

Наши дни

Маргарита напряжённо и безучастно смотрела через иллюминатор самолёта на огни тёмного города и нервно перебирала бледными пальцами бахрому синего платка с цветочным узором. По ней было видно, что ей тяжело и мучительно хочется курить. Женя чуть поморщился. Привычка Маргариты ему не очень-то импонировала.

— Ждёшь посадки? — ехидно спросил он, протягивая руку и одёргивая измятый, загнутый куда-то в сторону, край платка Риты. Она никак не отреагировала на прикосновение, только вздохнула чуть глубже. Он всегда смотрел на неё сверху вниз — даже когда сидел в кресле. — Хочешь отдать все командировочные за пачку кислородных палочек? — ничего не говорить он просто не мог.

— У нас разные организации, так что не жадничай, — Рита повернулась к Жене, и в глубине её больших карих глаз отразился мягкий искусственный свет салона самолёта.

Она рассеянно протянула руку, чтобы ещё раз поправить платок, и кончики их пальцев соприкоснулись. У неё были прохладные, чуть подрагивавшие руки. Женя не мог понять, от чего она дрожит: от желания покурить или его близости. Хотелось верить, что всё же от второго. Потому что сам Женя разве только не плавился от легко скользящих прикосновений Маргариты.

Когда он узнал, что на Севере состоится геолого-палеонтологическая конференция, то, ворвавшись в кабинет директора Института, чуть ли не впихнул ему в руки служебную записку, где подробно изложил, почему в командировку надо отправить не кого-нибудь, а Маргариту Алексеевну Громову. Директор почти не кривлялся, и Жене не пришлось валяться у него в ногах: он бы не стал это делать даже ради Риты. Всё же он был не последним человеком в науке.

Теперь же довольный Женя стоял и любовался делом рук своих: небольшим столиком, накрытым в двухместном номере одного из хостелов, принадлежавших Северному университету. Нехитро, но красиво, по крайней мере, Жене нравилось, и он надеялся, что и Маргарита оценит его старания. Два пузатых бокала, бутылка гранатового вина и сам гранат, разрезанный и блестящий алыми зёрнышками. Женя уже представлял, как обрадуется и, наверное, немного смутится Маргарита: раньше она постоянно забавно краснела от знаков внимания, да и на розу отреагировала эмоционально.

На конференции Женя изо всех сил старался держать лицо ученого с мировым именем — скучающее и пафосное. Но смотрел он сквозь докладчиков, изгалявшихся на трибуне, чтобы понравиться комиссии. Смотрел он только на Риту. Она выглядела собранной и сосредоточенной, задавала какие-то вопросы, но по затуманенному взгляду её карих глаз Женя видел, что ей не до конференции. Но держалась она великолепно: за годы они оба всё же стали спокойнее. Чуть-чуть.

Как только последний доклад завершился, и председатель объявил о продолжении завтра, Рита резко встала с места и чуть ли не бегом покинула конференц-зал. В этот момент она походила на лисицу, мечущуюся в своей норе. Хотела она курить или же секса, Жене было решительно не ясно. Наверное, всё сразу.

Попрощавшись с коллегами и забрав из гардероба куртку, Женя вышел на улицу, где под фонарем тут же наткнулся на Риту. Она стояла к нему спиной и курила: тонкие клубы

вонючего сладкого дыма поднимались в морозный воздух.

— Я бы на твоём месте не стояла в дыму, — она не оборачивалась, но каким-то мистическим образом поняла, что он здесь. Должно быть, чувствовала его присутствие. — И нечего меня прожигать взглядом, — судя по голосу, Рита усмехнулась. Женя почти увидел, как на её похудевших щеках натягивается кожа, но ямочки всё же образуются.

— Я так тебя грею. — Женя стоял прямо под фонарём и, засунув руки в карманы пуховика, смотрел на Риту. Она была очень красивой и какой-то по-девичьи хрупкой, когда стояла вот так в рассеянном свете фонаря в тяжёлой шубе, практически утопая в мехе. Её рыжие волосы рассыпались по плечам, а белые снежинки оседали в кудрях.

— Почему меня вообще отправили с тобой? — Она стряхнула пепел в снег. Женя скривился. — Что, в твоём институте нет геологов? Или меня взяли по каким-то особым соображениям? — Рита была не лыком шита и уже догадалась, что отправили её не просто так. Не единственный она доктор наук.

— Просто у тебя лучшая квалификация, — стараясь сохранить безразличие, ответил Женя. Видимо, получилось не очень, потому что Рита усмехнулась своим мыслям как-то особенно многозначительно.

— А может быть, просто хотел провести со мной время? — Рита бросила бычок в урну. — Мы вообще пойдём в хостел или нет?

Она потёрла руки, явно давая понять, что замёрзла. Женя намёк понял и, подойдя к Рите, взял в ладони её маленькие пальцы, показавшиеся ему холодными, как ледышки. Рита едва заметно вздрогнула и тихо выдохнула. Нахохлившись словно птичка, она искательно посмотрела на него.

— Не буду целовать тебя на морозе, Громова, и не проси, — усмехнулся Женя, а Рита в ответ как будто надулась. Так тебе и надо. — Сначала зайдём в магазин, а потом пойдём в хостел — и туда, и туда идти два шага. — Он отпустил руки Риты, надел перчатки и направился в сторону супермаркета на другой стороне улицы. — Не отставай, а то ветром сдует!

— Чтоб тебя черти взяли!

— Ты и так со мной.

Кажется, то же самое она сказала ему двадцать лет назад, подумал Женя. Вся история давнего лета непостижимым образом повторялась сейчас, и он очень надеялся, что в этот раз ему не сломают нос. Впрочем, тогда он был сам виноват.

В магазине Женя не скупился и сорил деньгами: продукты, да и всё остальное, стоили на Севере бессовестно дорого, но сейчас он чувствовал, что богат, как Крез, и не только материально.

— Женя, ты что, олигарх? — Маргарита почти восторженно смотрела, как Женя расплачивается с кассиршей пяти тысячными купюрами. — Здесь же всё безумно дорого: ведро картошки полторы тысячи стоит!

— Я — учёный с мировым именем, мне можно, — пафосно откликнулся Женя, забирая у девушки сдачу.

И снова слова всколыхнули воспоминания, только тогда Маргарита говорила о том, что ей, с её-то именем, можно пить чистый спирт по завету кота Бегемота. Они словно поменялись ролями или же играли тот же самый спектакль, но в новых декорациях.

«Ремейк жизни, — продумал Женя, забирая два увесистых пакета и придерживая Маргарите дверь. Она выглядела потерянной, но улыбалась глупо и довольной: внимание и

жесты брачного танца райских птиц производили впечатление. Женя чувствовал себя не Гамаюном, а голубем, который надувается и воркует дурным голосом.

Кажется, Маргарита даже не задумывалась о том, что им предстоит жить в одном номере. Женя взял все переговоры с принимающей стороной на себя, избавив Маргариту от лишней нервозности: он отлично помнил, как подрагивали её маленькие белые руки.

«Довели до тремора за столько лет, гады», — подумал Женя. Больше всего на свете ему сейчас хотелось, чтобы его Маргарите было хорошо. Он подошёл со спины к застывшей, буквально пропитавшейся смесью снега и тепла Рите и, приобняв её за плечи, зарылся лицом в пушистый воротник. Снежинки таяли от его дыхания.

— Позволь мне, — он так давно не ухаживал ни за кем вот так.

Стараясь быть как можно более нежным, он провёл ладонями по укрытым шубой плечам Маргариты к её полной груди и расстегнул металлические застёжки. С тихим шуршанием и потрескиванием на ворсинках искорок электричества, шуба соскользнула с Маргариты, нагнувшись, чтобы расшнуровать ботинки. Женя аккуратно повесил тяжёлую шубу на «плечики» в шкаф-купе и молча проследовал за Маргаритой в комнату. Её тихий вздох и румяные от мороза щёки поведали ему о том, что сюрприз удался.

— За встречу, — произнёс Женя, беря со столика наполненный тёмно-красным, почти чёрным вином бокал. — И за твой институт, который любезно согласился отпустить тебя со мной. — Он почти не кривил душой: Институт и правда мог заартачиться.

— Ты же злодей с мировым именем, — поддела его Маргарита, делая глоток вина. — Ругаться катаешься на другой конец света.

Женя довольно ухмыльнулся. Как-то раз он и правда почти выследил оппонента, полившего грязью его монографию, и, найдя того в списках докладчиков на одной из зарубежных конференций, вылетел туда первым же рейсом. Морду он не бил, давил исключительно интеллектом, но зарвавшегося коллеге этого хватило. Женя любил иногда рассказывать эту историю в красках, но решил, что сейчас не тот случай. Он не хотел говорить о плохом, только о хорошем, а лучше вообще не говорить.

Вино оказалось вкусным, чуть суховатым и вяжущим, расслабляло и согревало. Они говорили о чём-то неважном, и в какой-то момент Маргарита усмехнулась своим мыслям и хотела сделать ещё глоток вина. Этого секундного отвлечения хватило Жене, чтобы оказаться рядом, совсем близко, так, чтобы слышать короткий вздох, вырвавшийся из её груди. Видимо, она ждала этого так же долго, как и он сам. Целых двадцать два года.

Глава 17. Солнце

Он нежно провёл кончиками пальцев по её лицу, проследив тонкие морщинки на шее, стрелки «гусиных лапок» вокруг глаз, легко поцеловал росчерки в уголках губ.

— А ведь воевали мы тогда с тобой, как подростки в трудный период. — Яркие карие глаза Риты смотрели прямо в сердце. Женя чувствовал себя зелёным юнцом, которого красивая одноклассница обещает ждать из армии.

— Ума-то не было, — улыбнулась Рита, проводя ладонью по плечу Жени. Её прикосновения возбуждали, но он старался держаться. Ещё не время. — Понятное дело я — я свой пропивала как могла, но где был твой интеллект кандидата наук? — Она провела пальцем по изгибам его ушной раковины, чуть сжав прохладную мочку. Женя едва сдержал стон: уши у него всегда были чувствительными. — Почему ты приехал тогда ко мне? Разве ты не должен быть счастливо женат?

— Я был женат, — сухо ответил Женя, не глядя на Риту, но продолжая перебирать пальцами рыжие завитки её отрастающих волос. Ему не очень хотелось об этом говорить. Недолгий брак с коллегой не оставил после себя ничего кроме пустоты и странных угрызений совести. Как будто он изменил кому-то, но не мог понять, кому именно. — Мне не понравилось. Как-то я назвал жену твоим именем. Просто вырвалось. Она обиделась и ушла. Насовсем. Это даже хорошо. Детей у нас не было, да и брак оказался так себе, — он решительно тряхнул головой, отгоняя неприятные мысли. — А ты была замужем? — соображал он сложно, когда пальцы Риты — такие нежные и чувственные, с уже сошедшими летними трудовыми мозолями, зарывались в волосы, проходились по коже.

— Нет, — улыбнулась Рита. — Да и серьёзных отношений тоже. Почти. Был один леший, но сбежал в егеря.

— Допелась птица Сири́н, — усмехнулся Женя. — И сколько же мужчин у тебя было после меня? — его это волновало не слишком: он знал, что в конце останется только один. И это будет он — Евгений Лащенко. Ведь он тоже не был праведником: жил и думал, что приморское лето в золотой зелени выгоревших трав на бескрайних лугах и тепло речного песка никогда не вернутся. Хорошо, что он ошибался.

— Главное, что ты замыкаешь круг.

Ему было откровенно плевать, кто были эти люди: если она сейчас с ним, значит, они проиграли в битве под названием естественный отбор. Рита стояла почти вплотную, он чувствовал, как бьётся её сердце, видел затуманенные вином и растущим возбуждением карие глаза. Она явно о чём-то думала, потому что мгновение спустя её дыхание превратилось в слова.

— Любимый мужчина, — Рита, должно быть, не заметила, как произнесла это вслух, прошептала. Казалось, что здесь и сейчас она высказала Жене великую тайну, которую могла поведать только такой же райской птице, как и она сама.

«Глупости какие...» — подумал Женя. Кровь стучала в висках, не давая сосредоточиться.

Рита подняла взгляд на Женю. Синие глаза встретились с карими, и в глубине чёрных расширенных от игры света и тени зрачков Риты вспыхнул тёплый огонёк. Женя слышал её частое неровное дыхание, видел, как бьётся под бледной кожей пульс, разгоняя по артериям и венам красную-красную кровь.

Женя бесстыдно проследил взглядом очертания тонкой шеи, прятанной за воротом трикотажной бежевой водолазки, чуть выступающие ключицы под тканью и ямку между ними. Сам собой взгляд соскользнул на большую спелую грудь, которая за прошедшие годы, казалось, стала ещё больше. Ему мучительно захотелось почувствовать вкус её тела, прижаться губами к горячей коже.

Рита осторожно, будто стесняясь, подняла руку и дотронулась чуть подрагивающими пальцами до лица Жени, очертила скулы, провела по подбородку и чуть кривоватому носу, который сама же ему и сломала. Прикосновения её пальцев заставляли практически дрожать. Не в силах больше сдерживаться, Женя опустил руки на её талию, с удовольствием услышав резкий томный вздох. Лаская крепко и уверенно, он провёл ладонями вверх по её изящному торсу, чувствуя под пальцами тонкие рёбра, вытаскивая из-под пояса юбки и задирая вверх тонкий трикотаж водолазки.

Женя неспешно оголял тело Риты — сантиметр за сантиметром. Он чувствовал, как горит под его пальцами распалённая прикосновениями кожа. Чувствовал, что горит сам. Рита порывисто выдохнула и прижалась бёдрами к Жене и, должно быть, сразу почувствовала его возбуждённый член.

— Ты всё ещё способен? — с придыханием хихикнула Рита, послушно поднимая руки, пока Женя снимал с неё водолазку.

— Достань и посмотри, — усмехнулся Женя, улыбаясь в предвкушении. В душе просыпался молодецкий азарт напополам со жгучим желанием.

Рита между тем покорно опустилась на колени, а затем резко поднялась и толкнула его — сильно, но нежно — в грудь. Не ожидавший такого подвоха Женя совершенно безобразно повалился с коротким смешком на кровать. Подушки подпрыгнули от резкого приземления, а покрывало скомкалось. Чуть привстав, Женя, ругаясь, вытащил его из-под себя и тут же притянул к себе улыбающуюся чуть безумной улыбкой Риту, которая, нависнув над ним, придавила его грудью к матрасу.

— Так нечестно, — негромко произнёс Женя. Он сделал вид, что сдался на милость победительницы, и ожидал удобного момента, чтобы напасть в ответ. — Будь у меня грудь четвёртого размера, я бы тоже так смог.

— В Тайланде на панели бы ты так смог, — пробормотала Рита, продолжая прижимать Женю к кровати. Она провела ладонями по его груди и животу, спустилась к ремню. Напряжённый член оттягивал ткань брюк.

Она на мгновение отвлеклась, будто застыла, вспоминая что-то, и Женя воспользовался моментом, прижав Риту к кровати.

— Я сдаюсь, — прошептала она, пока Женя целовал её покрывшуюся мурашками прохладную кожу, чувствуя губами биение горячей крови под ней. — Гамаюн, ты победил!

Кровь шумела в ушах, и думать совершенно не хотелось. Легко переворачивая Риту на живот, Женя любовался её ровной спиной с выступающими лопатками и соблазнительным изгибом талии.

Всё, что было дальше, смазилось в возбуждённом, распалённом Ритой сознании. Женя помнил только то, как она выгибалась под ним — горячая и прекрасная, — а он, забыв обо всём на свете, наслаждался её близостью. За окном стояла глубокая северная ночь, когда они, наконец, оба выдохлись: Женя уже был староват для ночных марафонов. Тяжело дыша, он понимал, что они не выспятся, что будут клевать носами на конференции, но это того стоило, гулко бьющееся сердце не давало соврать.

— Так почему ты тогда приехал ко мне? — Рита подняла голову и внимательно посмотрела на него. В темноте её лицо казалось серым, а растрёпанные кудри — почти чёрными. Только иногда в них вспыхивали тусклые огоньки. Болотные огоньки, заманивающие заблудившихся путников в трясины, из которой не выбраться. Да Женя и не хотел выбираться.

— Честно? — сейчас он говорил серьёзно. Кажется, в первый раз за время, прошедшее с их новой встречи. — Мне всё осточертело. Ты — моё Солнце, Маргарита Громова. — И нежно поцеловал её в мокрый от пота рыжий висок.

Глава 18. Колесо

Наши дни

Яблони пахли терпко и сладко, и спальный район превратился в райские кущи. Воробьи незатейливо чирикали на ветках, а соловьи по ночам пели песни в сине-розовом сумраке столичной весны. Жене казалось, что он спал тысячу лет, закованный в кандалы серых будней, а теперь наконец-то проснулся. Несущим счастье — не смерть — Гамаюном он летал по институту, а вечерами долго разговаривал с Маргаритой по телефону или Скайпу. Он жил этими вечерами и со временем, как наркоман, подсел на общение. И с каждым разом организм требовал всё большую дозу.

Отношения не то чтобы не складывались, но находиться на расстоянии было почти невозможно. Они жили в разных городах и ходили на разные работы, хоть и отвечали за свои действия только перед Академией Наук. Видеться им удавалось нечасто: после Северной конференции Женя встретился с Ритой всего два раза. Один раз она приезжала в его Институт забрать геологические образцы, а второй — погулять. Жене тогда тоже удалось вырваться из плена неумолимо приближавшейся защиты Антона.

Всё это напоминало вялотекущий насморк, который никак не мог перейти в пневмонию или же сойти на нет. Сейчас Женя был готов умереть от воспаления лёгких, но остаться с Маргаритой. Тем более что и она, кажется, тяготилась расстоянием. В последнюю встречу три недели назад Рита была странно молчаливой, да к тому же вдруг решила бросить курить: Женя заметил у неё на запястье никотиновый пластырь.

— Ты отнял самое дорогое, что у меня было — курение моё миленькое, — усмехнулась она в ответ на его вопрос о причине внезапного решения. — Не думай, это хорошо. Я всё собиралась, да как-то не получалось, — Рита улыбнулась и поцеловала его. И всё же Жене в её смехе почудились горькие нотки.

Проводить больше времени с Маргаритой — вот и всё, что ему было нужно. А случай поехать в культурную столицу на несколько дней вскоре представился. Аспирантура Антона плавно подошла к своему завершению, и теперь его ждала защита: не просто в планах, а на деле. Аспирант мандражировал всю дорогу, решив поволноваться заранее, а Женя невероятным усилием воли заставлял себя сидеть спокойно и не прилипать к иллюминатору слишком надолго.

— Хорошее у них финансирование, — с завистью произнёс Антон, глядя на девятиэтажное здание геолого-минералогического Института. — Они что, продали душу дьяволу?

— Скорее тело, — Женя стоял и шурился: погода радовала, и весеннее солнце било в глаза. — Геологоразведка у них работает на военных, поэтому... — он развёл руками. — Но я тебе этого не говорил.

— А потом окажется, что Маргарита Алексеевна ещё и какой-нибудь полковник, — засмеялся Антон. — А нас за что-нибудь посадят и никогда не выпустят.

— Не носи чепуху, — Женя строго посмотрел на аспиранта.

— Это нервное, — развёл руками Антон. — Я волнуюсь.

— Всё обойдётся, — Женя ободряюще хлопнул приунывшего вмиг аспиранта по плечу. — Ты же места в работе для вопросов комиссии оставил?

— Как вы учили.

— Ну вот и прекрасно, — Женя уже хотел зайти в Институт, как вдруг из-за поворота показался Фиат Пикап.

— Еще вчера она была нежна, как шелк, теперь она — китайский танк! — забавная песенка разносилась по сморенной теплом улице.

— Ваша Василиса Премудрая приехала, — засмеялся Антон.

— Спасибо, что не лягушонка в коробчонке, — криво усмехнулся Женя, глядя на то, как Маргарита — в красном клетчатом пальто, чёрных очках и с газетой в руках — выходит из аккуратно припаркованной машины. Она легко взбежала по ступенькам и скрылась за стеклянными дверями.

— Оказывается, она такая красивая, — томно вздохнул над самым ухом Жени Антон. — Я раньше этого не видел.

— И сейчас не смотри, — Женя исподлобья глянул на аспиранта. — Странно, что она нас не заметила. Сейчас исправим. — И Женя, оглядевшись, пнул колесо Пикапа.

Оглушающий вой сигнализации перекрыл все прочие звуки, и в следующее мгновение в окне второго этажа показалась Маргарита: она чуть ли не наполовину высунулась наружу, а её курчавые волосы, пылающие словно огонь, трепал ветер.

— Отойди от машины! — её возглас перекрыл шум сирены. — Козёл! — Рита исчезла.

— Зачем вы это сделали? — Антон с опасением уставился на него, и Женя понимал своего аспиранта: он бы и сам усомнился в своей адекватности.

Под вой сигнализации из здания показалась Рита. Она сбежала по мраморным ступеням, а её большая сочная грудь подпрыгивала и соблазнительно колыхалась при каждом шаге. Маргарита, нажав отключение сигнализации и проверив машину, обернулась к Жене.

— Так! — она упёрла руки в бока. — Евгений Николаевич, ты успел впасть в маразм? — Рита провела кончиком языка по губам и, свернув газету в рулон, принялась совершенно по-деревенски бить опешившего Женю.

— Ну не при мальчонке же! — воскликнул он, закрываясь от ударов, которые Рита наносила хлётко и точно в цель. Хорошо, что не по лицу.

— При мальчонке, при мальчонке! — Рита опустила газетный рулон. — Я Антона Андреевича учила три года, он многое видел!

— Маргарита Алексеевна, пощадите Евгения Николаевича, — аспирант давился плохо сдерживаемым смехом.

— Ни за что, — Рита воинственно сдула со лба пряди огненно-рыжих волос.

Она была сегодня какая-то бледная и, как показалось Жене, уставшая. Полевой загар успел окончательно сойти, а новый весенний ещё не лёг на кожу. От него не укрылось, что под глазами у Риты залегли замаскированные макияжем тёмные круги, да и сама она как будто сжалась и похудела. Женя представил себе онкобольных после химиотерапии и испугался. Он не хотел потерять Риту. Только не так.

«Глупости это всё, — мысленно одёрнул он себя. — Ей-богу, в Вадика стал превращаться!»

Рита тем временем успела остыть. Она перебросилась парой слов с Антоном и ещё раз проверила машину. Сейчас она как раз наклонилась над колесом, и Женя, чувствуя, как напрягается всё у него внутри, откровенно пялился на округлые, обтянутые строгой юбкой ягодицы Риты. Аспирант же уткнулся в смартфон.

Рита так и не ответила ему, сколько у неё было мужчин, подумал ни с того ни с сего

Женя. Интересно, а Антон был в их числе? Он снова посмотрел на аспиранта и решил, что нет. А если и да, то он не хотел об этом знать. В конце концов, сам Женя тоже не принимал целибат. Но кто такой этот леший, в конце концов?

Глава 19. Конфуз

Удостоверившись, что с машиной всё в порядке, Маргарита жестом предложила им следовать за ней. В здании она размашисто чиркнула подпись на их пропусках и повела за собой в лифт. Лифт Жене не понравился: кабину ощутимо потряхивало, а свет то и дело мигал.

— Завтра починят. У нас вообще последнюю неделю перебои с электричеством: то и дело отключают, особенно вечером, — произнесла Рита, глядя на то, как Женя нервно оглядывает мерцающие кнопки. Не то чтобы он страдал клаустрофобией, но застрять в лифте было его давним страхом. — Антон Андреевич, — обратилась она к аспиранту, ушедшему в соц. сеть, — если хотите поговорить с оппонентами, то они оба локализируются на пятом этаже, — Маргарита говорила непринуждённо, но Женя чувствовал, что она, как и он, хочет отделаться от Антона.

Как только за аспирантом закрылись двери лифта, Женя, уже не в силах сдерживаться, прижал Риту к стенке кабины, целуя её полные губы.

— Ты ещё не сохся за прошедшие полтора месяца? — Рита стояла так близко, что сладковатый запах цветочных духов обволакивал и сводил с ума. Должно быть, так, как он сейчас, чувствуют себя самцы бабочек, когда летят, одуревшие, на аромат феромонов самки.

— Хочешь проверить ещё раз? — он знал, что может и хочет. Прямо сейчас.

— Да, — выразительные глаза Риты блеснули.

— Что, прямо здесь? — Женя был не против. Он уже весь горел.

— Можно у меня в ванной, — как только Рита произнесла это, двери лифта как-то особенно натужно разъехались в стороны. — Я ведь живу отдельно от мамы, — она вышла из кабины и, взяв Женю за руки, чуть ли не вытянула его за собой. — Тебя едва не прищемило дверями, — Маргарита засмеялась, но её бледность продолжала пугать.

— Тогда почему мы всё ещё здесь? — по коридору ходили какие-то люди, но для Жени все геологи были на одно лицо.

— Потому что до конца рабочего дня ещё два часа, — Рита сделала шаг назад и улыбнулась. — Сходи пока к своему аспиранту.

— Ты совсем не изменилась за последние двадцать лет, — усмехнулся Женя, собирая осколки сознания для поиска Антона. — Такая же вредная.

— Да, — бросила Рита и пошла по коридору, удаляясь от Жени. Её каблуки цокали по полу, а бёдра вихляли из стороны в сторону. Еле заметно, но он видел. — Да, я сука. Сука, — повторила она. — Сука! — донеслось до него из-за поворота, за которым скрылась Рита.

Антон Женя не нашёл, зато нашёл Мишу Генриха, ставшего ещё более лощёным и холёным, чем был раньше. Он проболтал со старым другом несколько часов, прежде чем заметил, что весеннее солнце уже почти село, а небо над крышами домов порозовело. Попрощавшись с Генрихом, Женя отправился искать Маргариту. Он знал, что она работала на седьмом этаже, оставалось только найти нужный кабинет с надписью «д.г.-м.н. Громова М. А.»

Женя подкараулил Маргариту возле туалета. Когда она выходила, он нарочно громко кашлянул, чтобы не напугать, а затем мягко обнял её сзади, прижимая к себе. Полная грудь так и просилась в ладонь, и Женя проследил рукой округлые формы, чуть сжав полушария. Рита неожиданно выдохнула сквозь зубы и, запрокинув голову, посмотрела на него.

— Зачем так хватать-то? — она недовольно поморщилась, поправляя смявшийся ворот блузки.

— Раньше тебе это нравилось, — Женя внимательно смотрел на Риту и не мог понять, что происходит. Она была бледна, а пушистые рыжие волосы выглядели сейчас сухими и какими-то безжизненными. — У тебя что-то случилось?

— Нет, — болезненная улыбка скривила губы Риты. — У меня, в принципе, всё превосходно. Но так: маленькие временные трудности, — на мгновение она побледнела ещё сильнее и, прикрыв глаза, прислонилась к стене.

Женя испугался. На жаре студентки и раньше падали в обморок, а скольких перепивших коллег он приводил в сознание — не сосчитать, но сейчас Женю потряхивало от совершенно незнакомого иррационального страха, что Маргарите плохо, а он ничем не может помочь.

— Поехали-ка домой, — он осторожно приобнял Риту за плечи и повёл к лифту. Дурацкие лампы в коридоре раздражающе моргали. — Я, пожалуй, вызову такси.

— Не надо, всё нормально, — Рита выглядела откровенно не очень и глубоко дышала. — Хотя, давай.

Женя аккуратно завёл Маргариту в лифт и, нажав кнопку с цифрой «1», вытащил из кармана айфон. Лифт слегка качнуло, и кабина поехала вниз. Женя уже открыл приложение, как вдруг лампы над головой пронзительно мигнули и погасли, а кабина лифта, встряхнувшись особенно сильно, застыла на месте. Сомнений не было: они застряли.

— Блядь! — Женя обречённо прислонился к гладкой металлической стенке и рассеянно ослабил узел галстука: вместе с подъёмным механизмом отключился и кондиционер. — У меня через два дня аспирант защищается, а мы застряли тут в ёбаном лифте! Почему мы не уехали пораньше, а? Что ты тут делаешь? А я что тут делаю? — он горестно ударил кулаком по наглухо закрытым дверям лифта. В темноте вспыхнул фонарик айфона: Рита включила свет.

— Что, так и будем цепляться друг к другу, как дурные подростки? — Рита говорила спокойно, но её глаза сверкали. Она всё ещё пугала своей бледностью, но тошнить её, кажется, перестало. — Или поговорим как взрослые люди? — Фонарик выхватывал клочками углы кабины и лицо Риты, казавшееся в искусственном свете мертвенно-бледным.

— Мы с тобой только по отдельности можем вести себя, как интеллигентные цивилизованные люди, — Женя для верности несколько раз нажал кнопку вызова диспетчера. Глухо, как в танке. Ему уже становилось жарко в пальто. — А вместе ведём себя как дикари.

— На конференции на Севере ты вёл себя вполне прилично, — заметила Рита. — Что изменилось сейчас?

Глава 20. Лифт

— Я много думал о тебе после той ночи в хостеле, — негромко, тщательно подбирая слова, произнёс Женя. С выражением своих мыслей у него всегда было не очень. Не то что с научными статьями, которые он писал десятками. — Я помню, как увидел тебя в первый раз, — добавил он, глядя в одну точку и не моргая. Глаза защипало, а металлическая стенка кабины лифта поплыла в резком свете фонарика. — Большущие глазища, такая же грудь: в майку не помещается. Рыжая и наглая. Ты доводила меня до бешенства, но с тобой не было скучно.

— Ты мне тоже сперва не понравился, — Рита меланхолично отбросила с лица рыжие пряди. Она распахнула пальто и стянула с шеи платок. — Злой, голодный, смотрел на всех волком. Как будто появился новый альфа, за которым потянулась стая. Миша Генрих не выдержал, помнится. Да и сейчас при встрече преданными глазами смотрит, по стойке «смирно» чуть ли не вытягивается, — она чуть улыбнулась, а Женя снова представил, как Маргарита стоит на плацу в военной форме с генеральскими погонами. — Почему ты всё же ко мне не приехал? — она говорила просто и спокойно, но Женя почти физически ощущал, как напряглась Маргарита, как бьётся её сердце и чуть розовеют впалые щёки.

— Я почувствовал, что совершенно не владею ситуацией и испугался: если я потерял контроль над самим собой, как я вообще могу что-то организовывать, — он не говорил об этом никогда и ни с кем, даже с самим собой. Женя удивился, что может так складно рассказывать. — А ещё я хотел помнить, что было. И хотел помнить всё так, как это было тогда. Я знал, что расхождение в образах тебя в поле и в городе может совершенно убить то чувство, которое зародилось на практике. И вообще, я не верил в то, что всё может быть хорошо, — он сказал это и почувствовал, как стало легче. Может быть, это и нужно было ему — выговориться, разделить груз сомнений и памяти с той, кто всё поймёт.

— И снова, как ни странно, это — вопрос веры, — Рита говорила совершенно серьёзно. — В данном случае в самого себя.

— Я действительно сложно схожусь с людьми, а подобной мощной эмоциональной привязанности у меня не случалось никогда. — Женя вдруг вспомнил, как сорил деньгами и кривлялся на конференции. — Кажется, на Севере я пробил дно, — он криво усмехнулся, глядя на Маргариту.

— Нижнее днище нижнего ада казалось не так глубоко, — усмехнувшись, пробормотала Рита. — Впрочем, не сильнее, чем я.

— Я всё хотел спросить, — после непродолжительного молчания осторожно произнёс Женя. Раз они оба решились на откровения, он просто обязан спросить. — Кто такой леший?

— Преподаватель из университета, этолог-поведенщик, — по губам Риты скользнула лёгкая улыбка, а Женя буквально почувствовал, как закрытая кабина лифта наполняется солнечным светом, пением птиц и запахом тайги. — Кажется, ещё охотовед. Уволился лет семь назад. Почти тезка Ильинского — Вадим Ильин. У нас был роман, — зачем-то пояснила она. — Играли в карты, гуляли по лесу, потом снова пересеклись в городе, повстречались года полтора, а после как-то не сложилось. Сказочник был жуткий: верил в славянских богов, духов природы. И друг у него был подстать, хотя я его имени сейчас даже не вспомню.

— И где он теперь? Ильин в смысле? — Женя, как ни странно, совершенно не ревновал

Маргариту к загадочному этологу. В конце концов, он и сам какое-то время искренне любил свою жену. А Маргарита была свободна, он почти видел, как она стояла на опушке леса с цветами в волосах: счастливая и очарованная тайнами таёжных чащ.

— Понятия не имею, — пожалала плечами Рита. — Кажется, работает где-то егерем. Женился вроде как, но это не точно. Я не интересовалась его судьбой, это Вадик что-то слышал от общих знакомых. А твоя бывшая жена? Кто она? — Маргарита смотрела на него, чуть склонив голову, и в её ярких карих глазах отражались блики света.

— Полина Грекова, — Поля тоже была не девочкой, а уже защищённым кандидатом, когда выходила за него замуж, поэтому так и осталась со своей девичьей фамилией.

— Археолог? — в голосе Риты прозвучал живой интерес. — Я читала её монографию о курганах в Колхиде. Не знала, что вы были женаты. Почему расстались?

— Сам не знаю, — Женя на самом деле так до конца и не понял причину развода. «Не сошлись характерами» — звучит банально, а сколько правды. — Мы были, что называется, вдвоём, но не вместе. В какой-то момент нам это надоело. Она поначалу ревновала меня: я действительно не мог остановиться, а потом ей стало как-то всё равно. Когда только начали общаться, было здорово, — Женя вспомнил первые месяцы отношений, то, как радостно светились серые глаза Полины — рослой, крупной женщины со светлой косой толщиной с руку. — Она интересно рассказывала и вообще очень начитанная дама.

— Ты с ней общаешься?

— Нет, — криво усмехнулся Женя. Хоть они и расстались не врагами, но и друзьями их было назвать сложно. — Моими друзьями давно стали коллеги. Она больше в подвале с Генрихом время проводила. Сейчас вообще переехала. Не узнавал, куда. Мы развелись лет десять назад, а вместе были четыре года.

— Понятненько. — Рита, подогнув пальто, присела на пол, с тихим вздохом наслаждения сняв туфли. Она откинулась спиной на стенку кабины и, запрокинув голову, прикрыла глаза.

— Не спи, замёрзнешь, — попытался пошутить Женя. — Если я не приду на защиту, Антон умрёт. А вообще, знаешь что? Мы постоянно болтаем о всякой чепухе, а о главном забываем: о нас, — он давно хотел это сказать, и сейчас было самое время. — Отношения на расстоянии убивают. Я бы хотел провести это лето вместе с тобой. Вадик Ильинский упоминал, что выше по течению «Тайги» есть геологические колодцы с останками мамонтовой фауны. Мне бы было интересно взглянуть на эти костяные скопления. А ты там уже была лет восемь назад. Я читал твою статью о залежах базальта. Я попросил руководство института включить себя в состав экспедиции. Ты сама куда собиралась этим летом? Я договорюсь: всё можно отменить и поедем вместе, — Женя перевёл дух: говорить подобные вещи он не привык.

— Уже никуда, — медленно ответила Маргарита. Жене показалось, что в воздухе повисло странное напряжение, какое бывает перед грозой. — А так, в тундру. Но теперь никуда я этим летом не поеду — в свете последних событий, — на её губах играла странная улыбка, от которой мороз пробежал у него по коже.

— Что случилось? — мысли металась в голове, и Женя решил узнать всё сразу: мучениями он сыт по горло. — Ты заболела?

— Забеременела, — карие глаза Риты светились. — Да, Женя, я беременна.

Первым его желанием было забиться в угол и сидеть там. Как только Рита произнесла это, взгляд Жени упорно соскальзывал на её живот, хотя на Север они ездили всего полтора

месяца назад. Он крепко зажмурился.

— Сколько? — Женя глубоко вздохнул. Ему нужны были факты. С ними можно работать.

— Девять недель. По факту семь, — Рита ответила отрывисто и чётко, но Женя чувствовал, как внутри у неё всё пылает. Казалось, что её горячее сердце билось у него в ладони. Теперь стало понятно всё: и отказ от курения, и бледность, и всё остальное. Маргарита беременна. Так просто. Слишком просто. — Хочешь отвертеться? — вопрос прилетел в лоб, но Женя не растерялся.

— Ну уж нет, — веско растягивая слова, произнёс он. — Больше никогда.

— Меня морозит, — прошептала Рита. С неё мигом слетело напряжение. Осталась только усталость. — Обними меня. — Бледная кожа на контрасте с рыжими волосами казалась совсем белой. Даже полные алые губы потеряли цвет.

Он прижимал её к себе. Рука сама собой проникла под её блузку и нащупала тёплый живот.

— Не сиди на холодном, — рассеянно произнёс Женя, расстилая пальто на полу. — У меня есть пакет, если тебя тошнит.

— Не противно тебе будет держать мне волосы? — Рита положила голову ему на плечо, и Женя вдруг перестал бояться. Что он, не мужик, в конце концов? — Я не знаю, как быть матерью, Женя, — вдруг прошептала она. — Я никогда об этом всерьёз не думала. Я всю жизнь была одинокой бабой: ни ребёнка, ни котёнка.

— Я люблю тебя в точности такой, как ты есть, — произнёс Женя. Пора сказать всё словами. — Теперь поспи — нам тут до утра сидеть. А беречь твой сон буду я.

Глава 21. Ювелир

Ночью прошёл дождь, и когда Женя и Рита вышли наконец из здания геологического института, то сразу же окунулись в калейдоскоп запахов: прибитая пыль, свежая листва, послегрозовой озон — всё это кружило голову, окрыляя. Лёгкость, которую Женя испытывал сейчас, он не чувствовал уже давно. Как будто он стал наконец-то свободен, вышел из порочного круга, в котором пребывал до этого. Прошлое осталось в прошлом, спираль жизни пошла на новый виток.

— Я поеду домой: хочу привести себя в порядок, — Рита стояла рядом с ним и улыбалась, вдыхая ароматы весны: Женя видел, как трепещут крылья её носа. Она выглядела растрёпанной, но бледность её лица больше не казалась Жене нездоровой. — Точно не хочешь принять ванну? Моё предложение ещё в силе, — она провела рукой по его плечу.

— Душ подождёт, — Женя чувствовал, как бурлит в нём кровь. Он хотел действовать. — У меня есть одно дело в городе, только что это за дело, я тебе не скажу.

— Секретики, — усмехнулась Рита. — Поедешь откапывать золотишку под стеклом?

— Тебе лишь бы металлы, — Женя провёл ладонью по щеке Риты. — Сорока.

— Сириш, — поправила его Рита. — Всегда только Сириш. — Она поднялась на цыпочки и поцеловала его, обвив руками шею. — Приезжай ко мне, как дела закончишь. Адрес знаешь, — и, мазнув кончиками пальцев по рукаву его пальто, Рита скрылась за углом здания.

Сев в подъехавшее такси, Женя вытащил из кармана почти разряженный айфон и набрал номер Михалыча — старого друга-ювелира, с которым не пересекался уже лет пять. Последний раз, когда он видел Михалыча, тот жаловался на артрит — профессиональное заболевание — чрезмерно набожную жену и некую даму, которая ругала его матом и заставляла лечиться. Женя помнил, что Михалыч как-то говорил, что ему нравятся женские забота и жалость, поэтому на последнюю он давил только так. Ювелир был тем ещё жуком, но из его рук выходили такие украшения, что даже Женя не мог не оценить их красоту.

— Алло, — раздался в динамике удивительно бодрый голос Михалыча.

— Здорово, Михалыч, — произнёс Женя. — Ты на работе?

— Где мне ещё быть? — философски вздохнул Михалыч. — А что ты хотел?

— Мне нужно кольцо, — Женя сразу перешёл к делу. — Послезавтра. Буду у тебя через двадцать минут, — и отключился, пока Михалыч не стал причитать и выдумывать тысячу причин, почему он не может всё сделать именно сейчас.

— Значит, ты всё же нашёл её? — Михалыч сбрил бороду, которая ему совершенно не шла и придавала бомжацкий вид, и похудел. Сейчас он стоял в небольшой комнатке за мастерской и сдабривал кофе «Блэк Айвори» коньяком. — Ту девушку, о которой плакался лет двадцать назад?

— Да, — кивнул Женя, отпивая глоток. Кофе оказался чрезвычайно хорош, хотя Женя предпочитал чай. — А ты что — стал индивидуальным предпринимателем?

— Я уволился из этой богадельни, — радостно сообщил Михалыч. — И начал общаться с женой. Она оказалась приятной женщиной. Теперь мы ходим по театрам, выставкам, когда я не занят, и хорошо проводим время.

Женя в ответ лишь изогнул бровь, откусывая половинку круассана со сливочной начинкой. Михалыч изменился и, Женя не мог этого не признать, в лучшую сторону.

— Может быть, всё дело в какой-то новой женщине, которая вдохновила тебя на подвиг? Колечко, вот, смотрю, носишь, — поддел Михалыча Женя, с интересом глядя на ювелира, пившего кофе и рассеянно крутившего на пальце обручальное кольцо, которое он сроду не носил. — Сапожник без сапог, ювелир без кольца, — пошутил он. — А та дама из аптеки, что с ней? Уж не она ли теперь твоя муза?

— Рисует мне эскизы, — Михалыч довольно сощурился, явно уходя от темы, хотя Женя заметил, как порозовели его гладко выбритые щёки. Видеть Михалыча без бороды было непривычно. — Сейчас и тебе подберём что-нибудь. Вот только за срочность надо доплатить.

Женя кивнул и совершенно без сожаления расстался с некоторым количеством хрустящих оранжевых купюр: зря он, что ли, выигрывал столько грантов?

Вместе с Михалычем, который напился кофе и стал особенно весёлым, они прошли в мастерскую, где Альбина — высокая худощавая девушка с короткими чёрными волосами — тут же взяла Женю в оборот и утащила к компьютеру: выбирать и корректировать эскизы.

Мир драгоценных камней и металлов затянул Женю с головой, ему показалось, что он оказался внутри калейдоскопа и сейчас летает между разноцветными стекляшками, которые стоили десятки тысяч рублей. Альбина показывала ему уже готовые украшения, которые оставалось только повторить, но Женя хотел для своей Маргариты что-то особенное, чего нет ни у кого другого.

— Стой! — воскликнул он, когда Альбина в очередной раз щёлкнула мышкой, соединив элементы нескольких разных эскизов. — Вот оно! То, что мне нужно!

— Красиво, — одобрительно хмыкнул Михалыч, заглядывая через плечо Альбины в монитор и как бы невзначай касаясь ладонью её руки, отводя курсор мышки. Женя всё заметил, но промолчал и наплевал: пусть ювелир сам разбирается со своими женщинами. — Так ты себе представляешь кольцо всевластья?

Женя радостно выругался в ответ и снова, как зачарованный, посмотрел на изображённое кольцо.

Не слишком широкое, но и не узкое, оно было украшено одним крупным бриллиантом, сидевшим строго по центру, и тройным рядом мелких драгоценных камешков, идущих по низу. Женя не хотел думать, сколько это будет стоить. Он просто знал, что купит это кольцо.

— Крупный бриллиант три карата, — сообщил Михалыч, что-то подсчитывая. — Мелкие по две десятых карата. Золото семьсот пятидесятой пробы. А себе что-нибудь хочешь? — глаза ювелира поблёскивали за стёклами очков. Раньше он предпочитал подслеповато щуриться.

— Прелестно. А я обойдусь, — махнул рукой Женя, застёгивая пальто. — Может, в другой раз. Когда к тебе зайти?

— Ко мне можно заходить даже поздно, — улыбнулся Михалыч, соскальзывая взглядом на Альбину, которая сохраняла эскиз.

— Уж понятно, почему, — тихо усмехнулся Женя. — Осторожнее, Михалыч, а то сердечко может не выдержать. Здоровья-то у тебя никакого.

— Я вылечился, — пожал плечами ювелир, но от Жени не укрылось, что он как-то погрустнел.

— Начал с головы, как я и советовал? — поддел его Женя и, попрощавшись с Альбиной, вышел на улицу. На душе у него пели райские птицы.

Глава 22. Кольцо

Забранное ни свет ни заря у осунувшегося от двух бессонных ночей Михалыча кольцо жгло карман подобно куску солнца, а сам Женя летел на защиту на крыльях тёмнокрылого Гамаюна, несущего смерть старой одинокой жизни учёного-отшельника. Он почти опоздал, первый докладчик уже успел открыть свою презентацию.

— Где вы были? — простонал Антон, умоляюще глядя на Женю, когда тот, запыхавшись от быстрого бега, буквально рухнул на стул рядом с аспирантом. — Я так переволновался! — выглядел Антон и правда неважно: побелел от волнения.

— Ездил за подарком, — бросил Женя, одёргивая полы пиджака и рассеянно запуская руку в карман, сжимая в ладони бархатную коробочку с кольцом. — Долгая история.

Антон с совершенно очумелым видом кивнул и уткнулся в свой доклад, а Женя между тем высматривал в зале Маргариту. Вот она, сидела рядом с его бывшей аспиранткой Катюшкой Жемчуговой, бывшего мужа которой он как-то спустил с лестницы, когда тот приходил по поводу развода и бросался какими-то малопонятными обвинениями, почти доведя Катю до слёз. Больше этот мудака не появлялся, а Жемчугова блестяще защитилась, к радости Жени.

Сейчас Маргарита тихо беседовала с Жемчуговой, склонив к ней голову. Рыжие пряди переплелись с каштановыми волосами Кати, и Жене казалось, что это сливается, соединяясь, мёд и шоколад. Рита держала в руке платок, которым то и дело обмахивалась, и до Жени долетали нотки цветочного аромата. На запахи Рита реагировала не так остро, но всё равно он не представлял, в каком цветочном поле она сейчас находится. Бледность её больше не пугала, а на скулах даже играл лёгкий румянец.

Почувствовал на себе его взгляд, Рита обернулась, и на мгновение их взгляды встретились.словно вспышка молнии прошла по телу Жени, казалось, что Маргарита передала ему целую бесконечность информации. Не облечённую в слова, а просто набор чувств и ощущений, расшифровка которых находилась за гранью вселенной. Женя почувствовал, как приподнимаются волосы у него на затылке. Энергией Маргарита обладала бешеной.

Настала, наконец, очередь Антона выступать. Шёпотом пожелав аспиранту ни пуха ни пера и услышав в ответ свистящее «к чёрту!», Женя оторвался от разглядывания украдкой Риты и с головой погрузился в доклад Антона. Тот не подвёл: выступил блестяще, хотя по его глазам Женя видел, что после аспирант упадёт в объятия отходняка и, скорее всего, напьётся на банкете до ужаса.

Антон защитился с фееричным успехом, и председатель дал слово научному руководителю нового молодого учёного.

— Спасибо, — после того, как стало понятно, что защитился Антон успешно, Женя ждал того момента, когда ему предоставят слово. От нетерпения он уже сходил с ума, поэтому как можно быстрее вышел на сцену и почти вырвал у бывшего аспиранта микрофон. — Я признателен Антону Андреевичу за благодарность, а вам за то, что защита прошла успешно. Но я вышел сюда не для этого, — он не собирался растекаться мыслью по древу. — Вернее, не только для этого, — Женя на мгновение перевёл дух и посмотрел на Риту. Она сидела, закинув ногу на ногу, и со скучающим видом вертела в руках бутылку с минеральной водой. Но в её глазах он увидел напряжение. Ободрённый, Женя продолжил: — Сегодня и

сейчас здесь присутствует человек, которому я хотел бы сказать очень многое. Которого не видел двадцать два года. И которому я хочу сказать: я люблю тебя. Рита, — все в зале притихли, даже молодёжь в кои-то веке оторвалась от телефонов. — Рита Громова, — он вышел из-за кафедры и, не заботясь о том, что пол грязный, встал на одно колено, попутно доставая из кармана пиджака коробочку с кольцом. — Выходи за меня замуж, — и Женя раскрыл коробочку.

— Евгений Николаевич, — Маргарита смотрела на него большими глазами, в которых, казалось, тонул весь зал. — Ну что же вы так... по-рыцарски? — она улыбнулась и вспыхнула до корней рыжих волос, собиравших сейчас лучи солнца. — Никто бы не подумал, что вы романтик. А насчёт предложения — я согласна. — Она встала со своего места и, гордо вышагивая в туфлях на высоких каблуках, подошла к нему.

Она почти летела, едва касаясь пола, и Женя видел, как она напряжена. Чуть затронь, и струна лопнет, но сейчас Рита едва сдерживала в себе радость. Он видел это по её глазам, когда она, подойдя к нему, манерно протянула руку.

— Подкат засчитан, — шепнула Рита. — Но не стоило устраивать сцену. И вообще, — она оглядела зал. — Я вижу кольцо. Но где прекрасные ковровые дорожки?

Женя ничего не ответил, только осторожно вытащил из атласного ложа кольцо, скользнувшее на маленький горячий безымянный палец Маргариты и севшее, как влитое. Словно она была рождена с этим кольцом, вылетела из славянского мифологического рая в блеске и сверкание алмазов и солнца. К ни го ед . нет

Не обращая больше внимания на народ в зале, Женя привлёк к себе Риту и, на мгновение заглянув в её лучистые карие глаза, поцеловал.

Кажется, зал взорвался аплодисментами, но для него это уже не имело значения. Только солнечно-медовые губы Риты на его губах.

Антон ожидаемо напился коньяка, а потом понизил градус, хапнув шампанского. Поляну бывший уже аспирант накрыл отличную, и народ ежесекундно толпился у столов с закусками, разговаривая обо всём на свете. Женя едва пробился через них к Антону, уже ловившему «вертолёты», но всё ещё державшемся. Маргарита всё время была рядом с ним, и Женя обнимал её за плечи, не отпуская от себя. Больше никогда.

— Ну что, Антоша, — усмехнулся он, хлопнув по плечу глупо улыбающегося пьяной улыбкой счастливого Антона. — Теперь ты Антон Андреевич. Поздравляю, — Женя протянул руку, и Антон крепко пожал её. — Учись дальше, работай, расти, может, какой толк из тебя и выйдет.

— Спасибо, Евгений Николаевич, — силе воли Антона можно было позавидовать. Он покачивался, но держался. — Я вас тоже поздравляю, — он улыбнулся Маргарите, которая, сменив каблуки на туфли-лодочки, беззастенчиво положила голову Жене на плечо и улыбалась, перебирая в пальцах салфетку. — И вас, Маргарита Алексеевна.

— Взаимно, — наклонила голову Рита. — И спасибо, — она осторожно похлопала по щеке начавшего уплывать в прекрасное далёко Антона.

— Поехали домой, — Женя наклонился к самому уху Риты. — Твоё предложение, я надеюсь, всё ещё в силе?

Ответом ему стала улыбка Маргариты, взявшей его за руку и поведшей за собой через толпу.

Когда Женя проснулся, то Риты рядом не оказалось. Смазавшаяся перед сонными глазами спальня вдруг отчётливо напомнила ему собственную квартиру. На секунду Женя

подумал, что это конец: он попал в День Сурка и сейчас снова придётся рвать задницу и мчаться на работу. Но в тот момент, когда он уже хотел громко выругаться, до него донеслись звуки льющейся воды из ванной комнаты и тихие, заглушаемые каплями слова песни:

— Там на чёрных холмах чёрный твой виноград, — он не знал слов, начала и конца, но почувствовал, как восхищение напополам с ностальгией пробирают до костей. — Прорастает рядами драконьих зубов, — он так давно не слышал, как Рита поёт, что застыл, боясь пошевелиться. — У бесценных рядов аргонавты не спят, согревают лозу в ночи драконьим дыханием костров.

Когда Рита — довольная и красная от пара — вышла из душа, обернутая полотенцем, Женя изо всех сил старался прогнать выступившие скупые слёзы эстетического экстаза.

— Это же «Мельница»? — он старался говорить небрежно, но охрипший голос выдавал его. Пение Риты он был готов слушать вечно.

— Хелависа, — кивнула Рита, садясь рядом с ним на кровать. С кончиков её мокрых волос падали капли. — Нравится?

— Не то слово! — он не собирался скрывать восторг, только не сейчас. — Ты спела мне впервые с нашей новой встречи.

— Правда? — она улыбнулась, проводя горячей рукой по его растрёпанном со сна волосам. — Я и не думала об этом. Похоже, наша с тобой жизнь пошла на новый виток спирали, — она легко поцеловала его в шею, клюнув носом бьющуюся артерию, а потом взяла его руку в ладонь и приложила к своему животу. — Сила спирали, как в каком-то сериале, означавшая силу жизни и эволюции, — Рита улыбнулась, когда Женя, повинувшись будоражащему импульсу, провёл пальцами по её мокрой горячей коже. — Иди в душ.

Стоя под струями горячей воды, Женя благодарил — Бога, институт, Маргариту — за то, что предоставили ему второй шанс. Во всём.

Дело оставалось за малым — жениться.

Глава 23. Сирий

Они оба решили дождаться лета: свадьба в дождь или снег, по словам Маргариты, не очень её привлекала, а уж кутаться в пуховик и мёрзнуть в открытом платье ей и вовсе не хотелось. Женя целиком и полностью поддерживал её, помогая перевезти вещи в свою квартиру. Рита всё равно уходила в декрет на три года, поэтому могла, в случае чего, работать дистанционно — беременность не мешала ей писать статьи, за которыми она порой засиживалась до глубокой ночи. Женя и сам много работал по ночам: в институте зачастую не хватало времени. Так они и сидели вместе, каждый за своим ноутбуком, и всё равно ощущали тёплую и обволакивающую, словно мёд, близость друг друга.

Бить посуду и звать цыган никто не хотел. И Женя, и Рита уже давно вышли из восторженного возраста, когда хочется хвастаться перед друзьями шикарными кринолинами и лентами, купленными за родительские деньги. Поэтому свадьба была предельно скромной, но со вкусом. Присутствовали только самые близкие: мать Жени, родители Риты, Вадик Ильинский, Антон и Катюшка Жемчугова.

— Отдаю в надёжные руки, — важно произнёс Алексей Громов — суровый, мощного вида низкорослый мужчина, на которого Маргарита была удивительно похожа. — Но ты, Евгений, Ритку-то не обижай, — он усмехнулся. — И ты, дочка, мужа не сильно трогай. Я тебя знаю. — В его глазах стального цвета плясала плохо скрываемая гордость. Он явно радовался за дочь.

— Мы постараемся, пап, — Рита безмятежно улыбалась.

Для свадьбы она выбрала синее платье из лёгкой, но красивой блестящей ткани и жемчужные бусы. Маленькая, свежая и круглая — Маргарита светилась мягким внутренним светом. На безымянном пальце левой руки у неё красовалось ещё одно кольцо: тяжёлый серебряный монстр с каплевидным сапфиром — фамильная драгоценность Ковалевских, родственников Риты по материнской линии. Кольцо по какой-то хитрой традиции передавалось женщинам этой семьи в день их свадьбы.

Гости выпили с молодожёнами шампанского и разъехались, а Женя и Рита остались вдвоём, как и хотели. Фотоаппарата на штативе и портативного холодильника, полного шампанского для Жени и сока для Риты, а также разнообразной еды должно было хватить им на целый день.

Они давно хотели вырваться из города, поехать на крутой берег реки, где росли клёны и стояли скамейки, подышать свежим чистым воздухом, полным ароматов свежей травы и отцветающих белых и розовых яблонь.

— Не жалеешь? — В карих глазах Маргариты отражались солнечные лучи, делавшие их светлее и ярче.

— О чём? — Женя оторвался от фотоаппарата и посмотрел на... жену.

— О том, что женился и скоро станешь отцом? — Рита зарылась ладонями в его волосы, коснувшись кончиками пальцев скулы. — Нам ведь не двадцать лет.

— Именно поэтому и не жалею. Всё мы успеем, Рита, всё. — Он привлёк к себе Маргариту, провёл ладонью по её плечам и спине, очертил округлый живот, чуть задержавшись на нём.

Трогать живот Риты было приятно и интересно. Женя годами копался в прошлом, теперь настал момент прикоснуться к будущему.

— Рита, — произнёс Женя. Ему перестало хватать воздуха. — Спой, пожалуйста, ту песню, которую ты пела утром в душе после защиты Антона.

— «Поверь»? — Рита провела рукой по волосам, заправляя за ухо длинную рыжую прядь. Ломкость волос прошла, сейчас локоны наливались цветом и густотой. Женя знал, что после родов волосы отомстят за красоту, но сейчас только любовался золотым солнечным сиянием. — Хорошо, — она вздохнула и, устремив взгляд на светло-зелёные кроны клёнов, запела:

— Мне бы спать бы и спать на вороньем крыле, когда чёрные гладкие перья щекочут плечо, — Маргарита сделала короткую, как вздох, паузу и продолжила: — Лепестки темноты холодеют в золе, а к полуночи будет от полной луны горячо.

Её голос обволакивал, а шелестевшие над головой резные листья двигались точно в такт мелодии.

— Невозможно в себе хранить этот яд, так открой же в ночи виноградную драконью кровь!

И то верно: слишком много яда — одиночества, горечи, ехидства — хранил в себе Женя на протяжении жизни. Пришла пора избавиться от него, глотнув драконьей крови.

— Ты мне ворон, ты мне ветер, когда зима придет, её встретить ты — дай ей песен, дай ей пищи, дай же ей всё, чего она ищет.

Маргарита будто пела про себя. И него. В первый раз он не смог дать ей ничего, теперь постарается положить к её ногам мир. Ту его часть, которая ему подвластна: бескрайние поля и темнохвойное море тайги.

— Во тьме лишь твоя мне нужна рука, и броня оперения легка, крепка.

Они были птицами, и теперь Женя предложил Рите руку и сердце — и она их взяла.

— Из подземного мира и вверх, и вверх — поверь, я верю, и ты поверь, поверь, я верю, и ты поверь, поверь, поверь.

«Я поверил, — подумал Женя, прижимая к себе Маргариту. — Захотел поверить».

— Так просто ты на этот раз не отделаешься, — усмехнулась Маргарита, отпивая из высокого фужера сок. — Я пела тебе сотни, если не тысячи раз. Теперь и ты спой мне.

— Я? Спеть? — Женя с удивлением посмотрел на Риту. Шампанское уже ударило в голову, и он чувствовал себя лёгким и окрылённым. Даже как будто стал моложе. — Я пою, только когда выпью.

— А чем ты сейчас занимаешься? — Рита забрала у него фотоаппарат и сделала несколько снимков. — Лучшие кадры получаются спонтанно, когда этого не ждёшь, — пояснила она. — Ну, давай, спой мне, Евгений. Пожалуйста.

— Что петь? — Женя растерялся. Обычно он подхватывал песни уже на середине первого куплета и никогда не начинал сам.

— Что угодно. — Рита села на скамейку и, отложив фотоаппарат, устремила на него пронзительный взгляд из-под полуопущенных густых ресниц.

Женя задумался, и вдруг память услужливо подкинула ему один фрагмент: он вместе с Шуриком Малиновским — заведующим стационаром местного университета — мчат по полевой дороге, а в колонках играет ДДТ.

Женя вздохнул, собрался с силами и запел:

— Выживший после удара НАТОвской лютой зимы город созрел для пожара, пыли и гари весны.

Ему казалось, что он поёт про самого себя, что это он — человек в прокисшей одежде,

сбросивший с себя тонны льда прошлого и отчуждения. Он пережил зиму, расцвёл весной, а теперь наслаждался летом.

— Я живой, я лечу по каналам любви. — Женя и правда летел. Ведь он был, в конце концов, темнокрылым Гамаюном, который нашёл свою Сирин. — Я живой, я цвету, если хочешь, сорви. — Всё для Маргариты, сидевшей и с любовью в глазах слушавшей, как он поёт для неё. — Я живой, я тону у тебя на руках. Город мой... Живой!

Больше книг на сайте - Knigoed.net